Жорж Сименон

В ПОДВАЛАХ ОТЕЛЯ «МАЖЕСТИК»

Сесиль умерла
Жорж Сименон

Аннотация
Жорж Сименон. «Сесиль умерла»
Часть первая
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
Часть вторая
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
Часть третья
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4

Аннотация

На набережной Орфевр ее называли не иначе как «воздыхательница Мегрэ». Кто была эта странная молодая женщина — сумасшедшая, нврастеничка или действительно влюбленная в комиссара? Она ждала от Мегрэ помощи, а он не воспринимал ее слова всерьез. Но на самом деле трагическая развязка была близка…

Жорж Сименон
«Сесиль умерла»

Часть первая

Глава 1

Утренняя трубка, которую Мегрэ закурил у порога своего дома на бульваре Ришар-Ленуар, показалась ему приятнее, чем обычно. И первому туману он обрадовался, как дети радуются первому снегу. Особенно же потому, что это был не тот противный желтоватый туман, какой бывает в иные зимние дни, а молочный пар, пронизанный там и сям бликами света. Было холодно. Пощипывало нос и кончики пальцев, стук шагов по мостовой четко отдавался в морозном воздухе.

Засунув руки в карманы теплого грубошерстного пальто с бархатным воротником, так хорошо известного на набережной Орфевр, от которого еще пахло нафталином, в низко надвинутом на лоб котелке, Мегрэ не спеша направился к зданию криминальной полиции. Его забавляло, когда какая-нибудь девчонка, вынырнув из тумана, налетала на него.

— Ой, простите, пожалуйста…

И она опрометью бежала дальше, торопясь на автобус или в метро.

Казалось, в это утро весь Париж радовался туману так же, как Мегрэ, и только буксирные катера

на невидимой Сене перекликались тревожными хриплыми голосами.

Память невольно фиксировала все: вот он пересек площадь Бастилии, свернул на бульвар Генриха IV и миновал маленькое бистро. Дверь приоткрылась (в этот день впервые после лета двери кафе плотно затворялись, чтобы в помещение не проникал холодный воздух), и Мегрэ обдало волной запахов, тесно связанных в его сознании с парижским рассветом: то был смешанный аромат горячих булочек, кофе, сладкий запах рома.

Сквозь запотевшие стекла Мегрэ с трудом различал силуэты людей, теснившихся у оцинкованной стойки, торопливо глотавших перед работой свой завтрак.

Ровно в девять часов он вступил под своды здания криминальной полиции и вместе с другими стал подниматься по широкой, всегда пыльной лестнице. Когда голова его оказалась на уровне второго этажа, он машинально бросил взгляд сквозь стеклянную перегородку зала ожидания и, заметив Сесиль, сидевшую на одном из зеленых плюшевых стульев, нахмурился.

Или, если уж говорить начистоту, напустил на себя хмурый вид.

— Глядите-ка, Мегрэ… Она уже здесь!..

Эти слова произнес Кассье, комиссар полиции нравов, шедший вслед за ним. Посыпались шутки, неизменно встречавшие каждое появление Сесили.

Мегрэ сделал попытку незаметно для нее проскользнуть мимо. Давно ли она здесь? Она способна часами неподвижно сидеть, сложив руки на сумке, в своей нелепой зеленой шляпке, вечно съезжавшей набок на туго стянутых волосах.

Ну конечно, она его увидела! Она порывисто вскочила, рот ее приоткрылся. Стеклянная перегородка не позволяла услышать ее слова, но, должно быть, она вздохнула с облегчением:

— Наконец-то…

Втянув голову в плечи, Мегрэ устремился в свой кабинет в глубине коридора. Служитель подошел к нему, чтобы доложить о посетительнице…

— Знаю… знаю… Мне сейчас некогда… — проворчал Мегрэ.

В это туманное утро в кабинете было темно, и он зажег настольную лампу с зеленым абажуром. Снял пальто, шляпу, взглянул на печку и подумал, что, если завтра будет так же холодно, он потребует, чтобы развели огонь. Затем, потерев

озябшие руки, Мегрэ грузно опустился в кресло, удовлетворенно крякнул и снял телефонную трубку:

— Алло… «Старый нормандец»… Попросите, пожалуйста, господина Жанвье… Алло!.. Это ты, Жанвье?

Инспектор Жанвье находился сегодня с семи утра в маленьком ресторанчике на улице Сент-Антуан, откуда вел наблюдение за отелем «Аркады».

— Что нового?

— Сидят в своем гнездышке, патрон… Полчаса назад женщина выходила купить хлеба, масла и молотого кофе… Она только что вернулась…

— Люка на месте?

— Я видел его в окне, когда проходил мимо…

— Ладно! Журдан скоро сменит тебя… Не очень продрог?

— Да так, немного… Не беда…

Мегрэ усмехнулся, подумав о бригадире Люка, четыре дня назад преобразившемся в старого инвалида. Нужно было установить наблюдение за бандой поляков — их было пять или шесть человек, — поселившихся в убогой комнатушке убогого отеля «Аркады». Никаких улик против них не было, кроме той, что один из них, по

кличке Барон, разменял на скачках в Лоншане ассигнацию, украденную на ферме Ванзитар.

Эти люди слонялись по Парижу без всякой видимой цели, собирались они в квартире у одной молодой женщины на улице Бираг; неизвестно было, чья она любовница и какую роль играет во всех этих делах.

Переодетый инвалидом Люка, закутавшись в старые шали, следил за ними с утра до вечера из окна квартиры в доме напротив.

Мегрэ встал, выбил трубку в ведро с углем. Выбирая другую трубку из целой коллекции, лежавшей у него на столе, он заметил карточку, заполненную Сесилью. Он собирался уже прочесть, что она там написала, но в эту минуту в коридоре раздался настойчивый звонок.

Рапорт! Он схватил приготовленные бумаги и отправился вместе с другими полицейскими комиссарами в кабинет начальника полиции. Это была каждодневная утренняя церемония. Начальник носил длинные седые волосы и мушкетерскую бородку. Войдя в кабинет, они обменивались рукопожатиями.

— Видели ее?

Мегрэ притворился удивленным:

— Кого?

— Сесиль!.. Знаете, на месте госпожи Мегрэ я бы…

Бедная Сесиль! А ведь она была еще молода! Мегрэ знал по документам, что ей недавно минуло двадцать восемь. И однако трудно было представить себе существо более нескладное, так напоминавшее старую деву, несмотря на все ее старания выглядеть привлекательной.

Должно быть, она сама по скверным выкройкам шила свои неизменные черные платья… А ее нелепая зеленая шляпка… Невозможно вообразить, что за всем этим таится какое-то женское очарование. Бескровное бледное лицо и вдобавок ко всему легкое косоглазие…

— Она косая! — уверял комиссар Кассье.

Конечно, он преувеличивал. Косой ее нельзя было назвать. Хотя левый ее глаз смотрел не совсем в том направлении, что правый.

Она являлась к восьми утра, готовая к покорному ожиданию.

— Мне к комиссару Мегрэ, пожалуйста…

— Право, не знаю, будет ли он сегодня утром… Вы могли бы пройти к инспектору Берже…

— Благодарю вас… Я лучше подожду…

И она ждала весь день, неподвижная, не выказывая никаких признаков нетерпения, и каждый

раз порывисто вскакивала, словно охваченная волнением, едва комиссар показывался на лестнице.

— Держу пари, старина, она влюблена в вас…

Комиссары толпились в кабинете начальника полиции, переговариваясь между собой; незаметно перешли от болтовни к делам.

— Как с «Пеликаном», Кассье? Что нового?

— Я вызвал хозяина к десяти… Придется ему заговорить…

— Только действуйте осторожно, слышите!.. Ему покровительствует какой-то депутат, и я не намерен влипнуть в историю… Как с поляками, Мегрэ?

— Пока выжидаю… Сегодня ночью думаю засесть сам… Если к завтрашнему дню ничего нового не выяснится, я попытаюсь побеседовать с глазу на глаз с той женщиной…

Ну и гнусная банда! Три преступления за полгода.

Всякий раз на уединенных фермах Севера. Зверский, скотский бандитизм — убивали прямо топором…

Туман начинал золотиться. Можно было погасить лампы. Начальник пододвинул к себе одну из папок.

— Найдется у вас свободная минута сегодня утром, Мегрэ… Вот тут розыски по заявлению семьи… Пропал девятнадцатилетний юноша, сын крупного промышленника…

— Ну что ж, давайте…

Рапорт, прерываемый изредка телефонными звонками, длился полчаса среди клубов табачного дыма.

— Хорошо, господин министр… Да, господин министр…

Слышно было, как полицейские инспектора ходят взад и вперед по широкому коридору, как хлопают двери, как звонят в кабинетах телефоны.

С папкой под мышкой Мегрэ вернулся к себе. Он размышлял о банде поляков. Машинально он положил папку на карточку, заполненную Сесилью. Не успел он сесть, как постучался служитель.

— Я насчет этой девушки…

— Ну что такое?

— Вы примете ее?

— Немного погодя…

Мегрэ хотелось сначала покончить с делом, которое поручил ему начальник. Он знал, где найти юношу, ибо уже занимался им раньше.

— Алло! Соедините меня с гостиницей «Миозо-

тис», улица Бланш…

В этой обшарпанной гостинице собирались такие же молодые люди, как этот юноша, отличавшиеся сомнительными нравами и пристрастием к кокаину.

— Алло! Вот что, Франсис… Как видно, мне все-таки придется прикрыть ваше заведение… Что? Тем хуже для вас!.. Вы утратили чувство меры… Если хотите последовать доброму совету, то пришлите ко мне немедленно мальчишку Дюшмена… А еще лучше, приведите его сами… Мне нужно сказать ему пару слов… Да нет же, он у вас… А если его там нет, не сомневаюсь, что до полудня вы его отыщете… Рассчитываю на вас!

Зазвонил другой телефон. Мегрэ услышал смущенный голос одного из следователей:

— Комиссар Мегрэ?.. Я насчет Пенико, господин комиссар… Он утверждает, что вы запугали его, чтобы вырвать показания, что вы заставили его раздеться в своем кабинете и продержали голым целых пять часов…

Затем пришлось давать указания инспекторам, ожидавшим в соседнем кабинете. Они сидели в шляпах, лихо сдвинутых на ухо, зажав в зубах сигареты… И только в одиннадцать часов он вспомнил о Сесили и нажал кнопку звонка.

— Впустите эту девушку…

Служитель вернулся через минуту:

— Она уже ушла, господин комиссар…

— Вот как!

Сначала он пожал плечами. Потом, усаживаясь в кресло, нахмурился. Что-то не похоже на Сесиль, однажды неподвижно просидевшую битых семь часов в зале ожидания. Он поискал ее карточку среди бумаг, наваленных на столе. В конце концов он нашел ее под досье юного Дюшмена.

«Совершенно необходимо, чтобы вы приняли меня.

Сегодня ночью произошло ужасное несчастье.

Сесиль Пардон».

На звонок явился служитель.

— Скажите, Леопольд, в котором часу она ушла?

Служителя звали не Леопольд, его окрестили так потому, что он стригся как бывший бельгийский король.

— Право, не знаю, господин комиссар… Меня то и дело вызывали в разные кабинеты… Полчаса назад она еще сидела здесь…

— Были ли другие посетители в зале ожидания?

— Да, двое ждали приема у шефа… Один из них пожилой мужчина, который хотел, чтобы его направили в Коллегию по уголовным делам. Ну а потом… Сами знаете, утром кто-то входит, кто-то выходит… Я только сейчас заметил, что девушки уже нет…

Мегрэ почувствовал смутную тревогу. Ему стало не по себе. Это было неприятно. Шутки над Сесилью зашли слишком далеко.

— Если она вернется, вы…

А впрочем, нет! Он решил иначе. Вызвал одного из инспекторов.

— Хозяин гостиницы «Миозотис» явится сюда через несколько минут с молодым человеком по фамилии Дюшмен… Попросите их подождать… Если я не вернусь к двенадцати, задержите молодого человека, а хозяина отпустите…

На мосту Сен-Мишель он чуть было не взял такси, что уже само по себе было дурным признаком. И именно поэтому он удержался и сел в трамвай.

Не к чему придавать этой Сесили слишком большое значение! А то, пожалуй, придется признать…

Немного потеплело, однако туман не рассеялся,

а стал еще плотнее. Мегрэ курил трубку, стоя на открытой площадке, и голова его покачивалась в такт движению трамвая.

Когда Сесиль впервые появилась в полиции? Примерно полгода назад. Записная книжка осталась в кабинете; вернувшись, он сможет проверить это. Она сразу же спросила комиссара Мегрэ. Правда, она могла знать его имя из газет. Держалась она спокойно. Вряд ли она отдавала себе отчет, что ее рассказ походил на бредни полоумной.

Она старалась говорить сдержанно, неторопливо, глядя собеседнику прямо в глаза и смягчая улыбкой неправдоподобие своего повествования.

— Клянусь вам, господин комиссар, я ровно ничего не выдумываю и не так уж я впечатлительна… Но я сама убираю квартиру и поэтому хорошо знаю, где что лежит… Тетя не хотела, чтобы в доме была прислуга… Когда это случилось в первый раз, я решила, что ошиблась… Но потом стала следить. А вчера я сделала отметки. Больше того, я протянула нитку перед входной дверью… И вот, два стула переставлены на другое место, а нитка оказалась порванной… Значит, кто-то входил в дом. Какой-то человек провел некоторое

время в гостиной и даже открывал тетин секретер, потому что там я тоже оставила отметки. Это уже третий раз за два месяца. С некоторых пор тетя почти не передвигается… Ни у кого нет ключа от нашей квартиры, и однако, замок не был взломан… Я не хочу говорить об этом тете Жюльетте, чтобы не волновать ее… И как ни странно, я убедилась, что ничего не пропало. Уж тетя обязательно сказала бы мне об этом, она очень подозрительна…

— Короче говоря, — заключил Мегрэ, — вы уверяете, что в третий раз за два месяца неизвестный проникает ночью в квартиру, где вы живете со своей тетей, что он располагается в гостиной, передвигает стулья с места на место…

— А также бювар, — уточнила она.

— Переставляет с места на место стулья и бювар, роется в секретере, который тем не менее заперт на ключ и не хранит никаких следов взлома…

— Могу добавить, что сегодня ночью кто-то курил, — настойчиво продолжала Сесиль. — Ни я, ни тетя не курим. Ни одного мужчины у нас вчера не было, а сегодня утром в гостиной пахло табаком…

— Хорошо, я приду посмотрю…

— Мне как раз хотелось бы избежать этого… Характер у тети не слишком покладистый. Она рассердится на меня, тем более что я ничего ей не говорила…

— Чего же в таком случае вы ждете от полиции?

— Право, я и сама не знаю… Я доверяю вам. Может быть, если бы вы провели несколько ночей на нашей лестнице…

Святая простота! Она воображает, будто комиссар полиции для того и существует, чтобы ночевать на лестнице, проверяя девичьи бредни!

— Я пошлю вам завтра на ночь Люка.

— А вы сами не могли бы?

Ну нет! Тысячу раз нет! Эк куда хватила! Ее разочарование походило на досаду влюбленной. Тут коллеги Мегрэ были правы.

— Но может быть, это случится не сегодня ночью… Может быть, это произойдет через три, пять или десять дней… Разве я могу знать? Мне просто страшно, господин комиссар… Когда я думаю, что какой-то неизвестный мужчина…

— Где вы живете?

— В предместье Бур-ла-Рен, в километре от Орлеанской заставы, на шоссе… как раз напротив

пятой остановки трамвая. Большой шестиэтажный кирпичный дом… На первом этаже вы увидите бакалейную лавку и магазин, где продают велосипеды… Мы живем на верхнем этаже…

Люка побывал там и справился у соседей. Он вернулся настроенный весьма скептически:

— Старуха уже несколько месяцев не выходит из квартиры, а племянница у нее и за прислугу, и за сиделку…

Об этом доме было сообщено в местный комиссариат полиции, целый месяц за ним вели наблюдение, но ни разу никто, кроме жильцов, не входил туда ночью.

А между тем Сесиль снова появилась на набережной Орфевр:

— Он опять приходил, господин комиссар… На этот раз он оставил следы чернил на бюваре, я накануне как раз сменила бумагу…

— Он ничего не унес?

— Ничего…

Мегрэ неосмотрительно передал ее рассказ своим коллегам, и вся набережная Орфевр со смехом повторяла эту историю.

— У Мегрэ появилась вздыхательница…

Подходили по очереди к стеклянной перегородке, рассматривали посетительницу с косящими

глазами. Заглядывали в кабинет комиссара.

— Скорее. К тебе пришли!

— Кто?

— Твоя поклонница…

Целую неделю Люка сидел на лестнице и ничего не увидел и не услышал.

— Может быть, это случится завтра, — уверяла Сесиль.

Но выдача средств на эту затею была прекращена.

— Пришла Сесиль…

Сесиль уже знали все. Все звали ее по имени. Когда кто-либо из своих хотел войти к комиссару, его предупреждали:

— Осторожно, он занят…

— Кто у него?

— Сесиль!

У Орлеанской заставы Мегрэ пересел на другой трамвай. На пятой остановке он сошел. Справа между двумя пустырями одиноко возвышался большой дом, похожий на ломоть торта, — точно отрезанный кусок улицы.

Ничего необычного. Машины едут к Арпажону и Орлеану. С Центрального рынка возвращаются грузовики.

Входная дверь дома зажата между бакалейной

лавкой и магазином велосипедов. Консьержка чистит морковь.

— Вернулась ли мадемуазель Пардон?

— Мадемуазель Сесиль?.. Не думаю… Да вы позвоните, госпожа Буанэ вам откроет…

— А я думал, она не ходит….

— Вроде того. Но у нее в квартире есть такое приспособление, что она может открыть дверь, не вставая с кресла. Так же как я отворяю входную дверь… И если она захочет…

Шесть этажей. Мегрэ терпеть не мог лестниц. А эта была темной, с дорожкой табачного цвета и засаленными стенами. Кухонные запахи менялись с каждым этажом, так же как и шумы. Пианино, детский плач, раздраженные голоса.

На шестом этаже на двери слева под звонком висела пожелтевшая визитная карточка: Ян Сивеши. Значит, дверь Буанэ была направо. Он позвонил. Звонок прокатился по комнатам, но в ответ не раздалось ни звука, и дверь не открылась. Он снова позвонил. Беспокойство перешло в тревогу, а тревога в угрызения совести.

— Вам кого нужно? — услышал он за спиной женский голос.

Он обернулся и увидел пышногрудую девушку в кокетливом голубом халате.

— Госпожу Буанэ…

— Да, это здесь, — ответила она с легким иностранным акцентом. — Вам никто не ответил?.. Странно…

Она тоже позвонила, рукав ее откинулся, обнажив полную руку.

— Даже если Сесиль вышла, ее тетка…

Мегрэ потоптался минут десять на лестничной площадке, затем отправился на поиски слесаря, для чего ему пришлось пройти пешком не меньше километра.

На этот раз на шум прибежала не только девушка, но и мать ее и сестра.

— Вы думаете, произошло несчастье?

Дверь открылась легко, замок не повредили, и следов взлома не обнаружили. Мегрэ первым вступил в квартиру, заставленную старой мебелью и безделушками. Он не стал все это разглядывать. Прошел в гостиную… В столовую… Потом увидел открытую дверь и на кровати красного дерева старую женщину с крашеными волосами, которая…

— Прошу вас выйти… Слышите? — крикнул он, обернувшись к трем соседкам. — А если все это вас развлекает, тем хуже для вас…

Странный труп: маленькая толстая старуха,

напомаженная, с вытравленными перекисью волосами, седыми у корней. Она была в красном халате, на свисавшей с кровати ноге был надет чулок.

Ни малейших сомнений: она была задушена.

Суровый и озабоченный, Мегрэ вернулся на лестничную площадку:

— Пусть кто-нибудь сходит за полицейским…

Через пять минут он звонил из стеклянной кабинки соседнего бистро:

— Алло… Да, говорит комиссар Мегрэ… Кто у телефона? Так! Узнай, пожалуйста, дружок, Сесиль не вернулась?.. Сбегай в прокуратуру. Попытайся лично увидеть прокурора… Скажи ему… Слышишь?.. Я остаюсь здесь… Алло! Предупреди также отдел криминалистики… Если Сесиль чудом появится… Что такое? Да брось, милый, сейчас не до смеха…

Когда, выпив рюмку рома у стойки, он вышел из бистро, перед домом, напоминающим ломоть полосатого торта, толпилось уже человек пятьдесят.

Он невольно стал искать глазами Сесиль.

Только в пять часов вечера ему суждено было узнать, что Сесиль мертва.

Глава 2

В который уж раз госпожа Мегрэ напрасно будет ждать его к обеду за накрытым столом с двумя приборами. Ожидание давно вошло у нее в привычку. В квартире поставили телефон, но это мало что изменило: Мегрэ забывал предупреждать жену. Ну а молодой Дюшмен выслушает сегодня традиционные наставления от Кассье.

Медленно, с озабоченным лицом комиссар поднялся на шестой этаж, не замечая жильцов, выглядывавших изо всех дверей. Он думал о Сесили, о невзрачной девушке, над которой столько смеялись и которую в криминальной полиции называли зазнобой Мегрэ.

Вот здесь, в этом доме в пригороде, она жила, по этой темной лестнице ежедневно поднималась и спускалась. Духом этого дома веяло от ее одежды, когда, запуганная и терпеливая, она приходила в приемную на набережной Орфевр.

Если Мегрэ снисходил наконец до того, чтобы принять ее, в его вопросах звучала плохо скрытая ирония:

— Итак, сегодня ночью предметы снова передвигались по комнате? Чернильница оказалась

на другом конце стола, а разрезальный нож удрал из своего ящика?

Добравшись до шестого этажа, он приказал полицейскому не впускать никого в квартиру. Он толкнул было дверь, но остановился, разглядывая звонок. Это был не электрический звонок, а длинный красный с желтым шнур. Он дернул за него, и в гостиной раздался какой-то монастырский звон.

— Сержант, я попрошу вас проследить, чтобы к этой двери никто не прикасался…

Нужно было проверить оставленные на двери отпечатки пальцев, хотя он не слишком рассчитывал на результаты. На душе у него было скверно. Его преследовал образ Сесили, сидящей в аквариуме, как называли на набережной Орфевр зал ожидания с его стеклянной перегородкой.

Не будучи врачом, он тем не менее без труда определил, что смерть старой дамы наступила много часов назад, еще до прихода племянницы в полицию.

Присутствовала ли Сесиль при убийстве? Если даже это было так, она никого не позвала на помощь, не закричала. Всю ночь она провела в квартире наедине с трупом и утром оделась, как всегда. Взглянув на нее в зале ожидания, Мегрэ

не заметил ничего необычного в ее туалете. Он мгновенно подмечал такие подробности, которым придавал большое значение.

Он стал искать комнату Сесили и долго не мог ее найти. Со стороны фасада были расположены три комнаты: гостиная, столовая и спальня госпожи Буанэ.

Справа по коридору помещались кухня и чулан.

И только за кухней он обнаружил полутемную клетушку, где находились железная кровать, умывальник и вешалка. Это была комната Сесили.

Кровать была не прибрана. В тазу темнела мыльная вода. В гребешке застряло несколько темных волос. Розоватый фланелевый халат валялся на стуле.

Знала ли уже Сесиль о том, что произошло, когда она одевалась? День чуть брезжил, когда она вышла на улицу, вернее, на шоссе, проходившее у самого дома, и направилась к остановке трамвая в двухстах метрах отсюда. Густой туман окутывал все вокруг.

В криминальной полиции она заполнила карточку посетителя и села в приемной напротив заключенных в черную рамку фотографий ин-

спекторов полиции, погибших при исполнении служебного долга.

Вот наконец на лестнице показался Мегрэ. Она порывисто встала. Сейчас он примет ее. Она сможет все рассказать…

Но прошел целый час, а она все ждала. В коридорах стало оживленнее. Перекликались инспектора. Хлопали двери. В аквариум входили посетители, и служитель вызывал их одного за другим. Она одна продолжала сидеть…

Как всегда, она одна бесконечно ждала, дольше всех…

Что могло заставить ее уйти?

Мегрэ машинально набил трубку. На лестнице раздавались голоса. Жильцы обсуждали событие, полицейский не очень уверенно уговаривал их разойтись.

Что случилось с Сесилью?

Эта мысль не покидала его весь тот час, что он провел в одиночестве в квартире, и на лице его застыло угрюмое и словно сонное выражение, так хорошо знакомое его сослуживцам.

А между тем голова его напряженно работала. Он уже успел проникнуться атмосферой этого дома. Едва вступив в переднюю, вернее, в длинный темный коридор, который ее заменял, он ощутил

запах старья, убожество всей обстановки. Мебели, загромождавшей тесные комнаты, хватило бы на две такие квартиры, но все это была старая, разномастная и разностильная мебель, не представлявшая ни малейшей ценности. Невольно приходили на память торги в провинциальном городке, когда, вследствие чьей-то кончины или разорения, тайны суровых буржуазных домов внезапно становились всеобщим достоянием.

Впрочем, всюду здесь царили безупречный порядок и чистота, все блестело, каждая безделушка знала свое место.

Обстановка была настолько вне времени, что любое освещение — свечи, керосин, газ, электричество — равно подошли бы к ней. И действительно, с потолка свисали старинные керосиновые люстры, в которые были вставлены электрические лампочки.

Гостиная скорее напоминала лавку старьевщика, стены ее были увешаны фамильными портретами, акварелями, дешевыми гравюрами в черных и позолоченных гипсовых рамах под резное дерево. У окна громоздился огромный секретер красного дерева с откидывающейся доской, какие можно встретить у управляющих поместьями. Обернув руку платком, Мегрэ открыл

один за другим все ящики секретера. Тут лежали ключи, куски сургуча, коробочки из-под пилюль, оправа от ручного зеркальца, записные книжки двадцатилетней давности, пожелтевшие счета. Нигде никаких следов взлома. Четыре ящика были пусты.

Рядом кресла с потертой обивкой, маленький дамский секретер, столик для рукоделия, двое стенных часов в стиле Людовика XIV. В столовой Мегрэ также увидел стенные часы и в передней еще одни, наконец, он с удивлением обнаружил двое стенных часов в спальне убитой. Это его даже позабавило.

Очевидно, часы были ее манией. Самое любопытное, что все часы шли. Мегрэ убедился в этом в полдень, когда одни за другими они начали бить.

Столовая тоже была заставлена мебелью — просто негде было повернуться. Здесь, как и в других комнатах, на окнах висели плотные шторы, словно обитатели квартиры боялись дневного света.

Почему ночью, когда старую женщину застигла смерть, на одной ноге у нее оказался чулок? Он стал искать второй и нашел его на коврике. Чулки были черные, из грубой шерсти. По распухшим синеватым ногам Мегрэ заключил, что

тетка Сесили страдала водянкой. Трость, которую он поднял с пола, доказывала, что старуха могла передвигаться по квартире.

Наконец, над постелью он увидел шнур, такой же, как на лестничной площадке. Он потянул за него, прислушался, дверь квартиры открылась. Он пошел и затворил ее, проворчав несколько нелюбезных фраз по адресу жильцов, все еще толпившихся на площадке.

Почему Сесиль внезапно покинула набережную Орфевр? Что могло побудить ее сделать это как раз тогда, когда у нее было столь важное сообщение для комиссара?

Она одна знала это. Она одна могла все объяснить.

Время шло, тревога Мегрэ возрастала.

Невольно напрашивался вопрос, что могли делать по целым дням две женщины среди всей этой мебели, уставленной хрупкими безделушками из стекла и фаянса, одна уродливее другой, стеклянными шарами с изображением грота в Лурде или Неаполитанского залива, косо висящими портретами в рамках из медной проволоки, прозрачными японскими чашками с приклеенными ручками и искусственными цветами в разномастных бокалах для шампанского.

Мегрэ снова вошел в комнату старухи, которая по-прежнему лежала на кровати красного дерева, свесив одну ногу в этом загадочном чулке.

Около часу дня послышался шум, сначала на улице перед домом, затем на лестнице, на площадке. Комиссар грузно сидел в кресле, так и не сняв пальто и шляпу. Он столько курил, что в комнате было сине от дыма.

Услышав громкие голоса, он вздрогнул, словно очнувшись ото сна.

— Ну как дела, дорогой комиссар?

Бидо, товарищ прокурора, с улыбкой протянул ему руку. За ним вошли низенький следователь Мабий, судебно-медицинский эксперт и секретарь, который тут же принялся раскладывать на столе свои бумаги.

— Как будто интересное дело, а? Однако здесь не слишком весело…

Минуту спустя около дома остановился крытый грузовичок отдела криминалистики, и скоро фотографы, вооруженные своими громоздкими аппаратами, наводнили здание. Комиссар полиции Бур-ла-Рена робко пытался протиснуться вперед, терзаясь тем, что никто не обращает на него внимания.

— Разойдитесь, господа, — повторял полицей-

ский, охранявший вход в квартиру. — Нечего тут смотреть… Скоро вас будут вызывать одного за другим… А сейчас, ради Бога, освободите проход! Дайте дорогу! Да расходитесь же!..

Было около пяти часов вечера. Туман превратился в изморось, и фонари загорелись раньше обычного. Мегрэ, надвинув шляпу на глаза, вошел в ледяной вестибюль криминальной полиции и торопливо поднялся по плохо освещенной лестнице.

Он невольно бросил взгляд на аквариум, который теперь, при электрическом освещении, больше чем когда-либо оправдывал свое название. Там сидело четыре или пять неподвижных фигур, похожих на восковые экспонаты паноптикума. Почему, подумал комиссар, выбрали для этого зала ожидания зеленые обои, зеленую обивку стульев и зеленую скатерть на стол? От всего этого на лицах лежал какой-то мертвенный отсвет.

— Вас, кажется, ищут, господин комиссар, — сказал один из инспекторов, проходя мимо с папкой под мышкой.

— Шеф спрашивал вас, — подтвердил служитель, наклеивавший марки на конверты.

Не заходя к себе, Мегрэ постучался к началь-

нику.

В кабинете горела только настольная лампа.

— Ну как дела, Мегрэ?

Молчание.

— Довольно неприятная история, старина?.. Ничего нового?

Мегрэ почувствовал, что шеф собирается сообщить ему что-то не слишком приятное, и ждал, нахмурив лохматые брови.

— Я послал предупредить вас, но вы уже успели уехать из Бур-ла-Рена… Это по поводу той девушки… Не так давно Виктор…

Заика Виктор служил привратником во Дворце правосудия. У него были моржовые усы и голос, хриплый, как у морского волка.

— …Виктор встретил в коридоре прокурора… весьма не в духе… «Подметать разучились, друг мой?»

Все знали, когда прокурор называет кого-нибудь «друг мой» — дело плохо… Мысль Мегрэ старалась опередить слова начальника.

— Короче говоря, перепуганный Виктор бросился в чулан, где стоят метлы… Угадайте, что он там увидел?..

— Сесиль! — проговорил комиссар, словно ждал этого, и опустил голову.

В Бур-ла-Рене, пока вокруг него выполнялись обычные процедуры следствия, он успел перебрать все гипотезы относительно ее судьбы, и ни одна не показалась ему правдоподобной. Он неизменно возвращался все к тому же вопросу: что могло заставить ее уйти с набережной Орфевр, куда она пришла сделать такое важное сообщение?

Он все больше убеждался в том, что Сесиль ушла не по собственному побуждению. Какой-то человек подошел к ней в самом лоне полиции, в двух шагах от Мегрэ, и Сесиль последовала за ним.

Каким доводом ее убедили? У кого была такая власть над девушкой?

Он вдруг понял.

— Как это я не додумался, — прорычал он, ударив себя кулаком по лбу.

— Что вы хотите сказать?

— Я должен был догадаться, что она не выходила из здания, что ничто не могло заставить ее уйти…

Он был зол на самого себя.

— Она мертва, конечно, — буркнул он, не поднимая глаз.

— Да… Если хотите взглянуть…

Начальник нажал кнопку звонка и сказал вошедшему секретарю:

— Если ко мне придут или позвонят, скажите, что я скоро вернусь.

Лица обоих были озабочены, комиссара мучила совесть. День так хорошо начинался! Он вспомнил аромат кофе, горячих булочек, рома… Пронизанный светом утренний туман.

— Да, кстати… Звонил Жанвье… Оказывается, ваши поляки…

Мегрэ махнул рукой, словно хотел выбросить из головы всех поляков на свете.

Начальник толкнул стеклянную дверь. Вот уже лет десять шли разговоры о том, чтобы ее уничтожить, однако все не решались из чисто практических соображений. Эта дверь соединяла криминальную полицию с Дворцом правосудия и отделом уголовной регистрации. Переход напоминал театральные кулисы: узкие лестницы, запутанные коридоры… По ним можно было провести подследственного прямо в прокуратуру…

Направо — лестница, которая вела наверх в отдел криминалистики и в лабораторию… Дальше — дверь с матовыми стеклами, за которой слышался гул Дворца правосудия — сновали взад-вперед адвокаты, любопытные, публика

наполняла залы, где заседали уголовные суды и суды присяжных.

Перед узенькой дверью, пробитой неведомо зачем в толще стены, стоял и курил инспектор; при виде начальства он потушил сигарету.

Кто знал о существовании этой двери? Только завсегдатаи здешних мест! За дверью находился просторный стенной шкаф — глубокая ниша, где Виктор, не любивший далеко ходить, держал щетки и ведра.

Инспектор посторонился, начальник открыл дверь и зажег спичку, чтобы осветить темный чулан.

— Вот она… — сказал он.

Тело Сесили не могло лежать во всю длину в тесном чулане, она почти сидела, прислонившись спиной к стене и свесив голову на грудь.

Мегрэ бросило в жар, он вытер лицо платком и сунул раскуренную трубку в карман.

Слов не требовалось. Оба, начальник и комиссар, молча смотрели. Мегрэ машинально снял шляпу.

— Знаете, что мне пришло в голову, шеф? Кто-то вошел в приемную и сказал Сесили, что я жду ее в другом помещении… Какой-то человек, которого она сочла нашим служащим.

Начальник молча кивнул.

— Нужно было торопиться, понимаете?.. Я мог принять ее с минуты на минуту… Она знала убийцу тетки… Кто-то привел ее сюда, открыл дверь, за которой царил полный мрак… и когда Сесиль шагнула…

— Ее сначала оглушили дубинкой или каким-то тяжелым предметом…

Нелепая зеленая шляпка, валявшаяся на полу, подтверждала это предположение. Кроме того, в темных волосах девушки запеклась кровь.

— Вероятно, она зашаталась, стала падать, и убийца, желая покончить с ней без шума, задушил ее…

— Вы уверены, шеф?

— Таково мнение судебного врача… Я просил не производить вскрытия без вас… Что вас удивляет? Ведь тетка ее также была задушена, верно?

— Вот это как раз и…

— Что вы хотите сказать, Мегрэ?

— Мне кажется, что один и тот же человек не мог бы совершить оба преступления. Ведь когда Сесиль пришла сюда сегодня утром, она знала, кто убил ее тетку…

— Вы так думаете?

— Иначе она подняла бы тревогу раньше… По

заключению врача, тетка была убита около двух часов ночи… Может быть, Сесиль оказалась свидетельницей преступления…

— Так почему же убийца не прикончил и ее в Бур-ла-Рене?

— Может быть, она спряталась… Рассуждаем дальше… А возможно, она обнаружила труп тетки утром, когда поднялась, примерно в половине седьмого. По будильнику я убедился, что она встает в это время… Она никому ничего не сказала и прибежала сюда…

— Странно…

— Не так уж странно, если предположить, что она знала убийцу… Она хотела назвать его мне лично и не доверяла комиссару полиции Бур-ла-Рена… Предположение, что она знала убийцу, подтверждается тем, что ее убрали с целью помешать ей говорить…

— А если бы вы приняли ее тотчас по приходе?

Мегрэ покраснел, что редко с ним случалось.

— Да, конечно… Здесь что-то неясное… Может быть, в то время убийца был связан в своих действиях… Или же в этот момент он еще не знал…

Он вздрогнул, словно гнал от себя какую-то мысль.

— Нет, маловероятно, — пробурчал он.

— Что маловероятно?

— Мое предположение. Если бы убийца старухи вошел в аквариум…

— Аквариум?!

— Простите, шеф… Инспектора прозвали так зал ожидания… Сесиль не пошла бы за ним. Значит, за ней явился кто-то другой, кто-то, кого она не знала или кому доверяла…

Мегрэ не сводил упорного мрачного взгляда с темной фигуры, прислонившейся к стене чулана меж щеток и ведер.

— Она пошла за человеком, которого не знала! — решил он внезапно.

— Почему?

— Она могла бы последовать за кем-то знакомым на улицу. Но внутри здания!.. По правде сказать, я ожидал, что ее найдут в Сене или где-нибудь на пустыре… Но здесь…

Он шагнул вперед, нагнувшись под низким косяком двери, чиркнул спичкой, потом другой и слегка отодвинул труп.

— Что вы ищете, Мегрэ?

— Ее сумку…

Сидя в аквариуму Сесиль всегда бережно держала на коленях объемистую, словно чемодан, сумку, столь же неотъемлемую ее принадлеж-

ность, как и эта немыслимая зеленая шляпка.

— Она исчезла.

— Вывод?

Забыв в раздражении о служебной иерархии, Мегрэ рявкнул:

— Вывод! Вывод! А вы-то сами способны сделать из этого вывод?

Он заметил, что светловолосый инспектор, стоявший в двух шагах от них, отвернулся, и взял себя в руки.

— Простите, шеф… Но согласитесь, что народу у нас как на проходном дворе… Подумать только: к нам в зал ожидания могли проникнуть и…

Он был вне себя. В его стиснутых зубах торчала потухшая трубка.

— Я уже не говорю об этой треклятой двери, которую давно следовало забить…

— Да, но если бы вы приняли эту девушку немедленно…

Бедный Мегрэ! Тяжело было смотреть, как этот рослый, сильный человек, с виду крепкий, как скала, понурился, глядя на безжизненное тело у своих ног; он снова вытащил платок и вытер потное лицо.

— Итак, что же мы предпримем? — спросил начальник, чтобы переменить тему. — Неуже-

ли публично признать, что преступление было совершено в самом помещении криминальной полиции, точнее, в этой узкой трубе, соединяющей полицию с Дворцом правосудия?

— Я хочу просить вас кое о чем… Может ли Люка заниматься поляками без меня?

Внезапно он почувствовал голод. Он ничего не ел с утра, но зато выпил три рюмки, и теперь у него сосало под ложечкой.

— Я не возражаю…

— Заприте эту дверь, старина, и продолжайте охранять ее. Я скоро вернусь…

Из своего кабинета, не снимая пальто и шляпы, Мегрэ позвонил жене:

— Нет… Не знаю, когда приду… Слишком долго объяснять… Нет, нет, я остаюсь в Париже…

Не заказать ли, как обычно, бутерброды из пивной на площади Дофина? Нет, ему необходимо проветриться. На улице по-прежнему моросило. Он выбрал маленький бар напротив памятника Генриху IV на Новом мосту.

— Один с ветчиной, — заказал он.

— Как дела, господин комиссар?

Гарсон знал его. Когда у Мегрэ тяжелые веки и это угрюмое выражение, значит…

— Не ладится?

Около стойки какие-то люди играли в карты, другие толпились у денежного автомата.

Мегрэ ел бутерброд, думая о том, что Сесиль мертва, и от этой мысли мороз пробегал у него по спине, несмотря на теплое пальто.

Глава 3

Когда кто-нибудь умилялся смирению, с которым бедняки, больные, калеки и тысячи других обездоленных безропотно влачат свое беспросветное существование в тисках большого города, Мегрэ пожимал плечами.

Опыт давно убедил его, что человеческое существо может приспособиться к любой дыре, стоит ему наполнить ее своим теплом, запахами, привычками.

Он сидел в скрипучем плетеном кресле в тесной — два с половиной на три метра — комнатке консьержки.

Потолок низко нависал над головой. Стеклянная без занавесок дверь вела в неосвещенный подъезд, где лампы зажигались только в тот момент, когда жильцы входили или выходили из дому. В комнатке стояла кровать с красной периной, на столе — обглоданная свиная ножка с застывшим салом, крошки хлеба на темной клеенке, нож и немного красного вина на дне стакана.

Консьержка, госпожа С-вашего-позволения, сидела на стуле, скособочившись из-за хрони-

ческого прострела, щека ее, казалось, приросла к плечу. Грязно-розовая вата торчала клоками из-под черного платка, обматывающего шею.

— Нет, господин комиссар… С вашего позволения, я уж в это кресло не сяду… Это кресло моего покойного мужа, и, хотя мне немало лет и забот у меня тоже немало, я не позволю себе сесть в это кресло!

В затхлом воздухе пахло кошками. Кот мурлыкал у печки. Электрическая лампочка, заросшая двадцатилетним слоем пыли, освещала комнату красноватым светом. Было жарко. Дождь громко барабанил по железной крыше, время от времени слышался шум стремительно проносившегося по шоссе автомобиля, грохот грузовика и скрежет трамвая.

— Как я вам уже сказала, эта бедная дама была, с вашего позволения, владелицей нашего дома… Жюльетта Буанэ — она носила фамилию покойного супруга… И если я говорю «бедная дама», господин комиссар, то только от хорошего воспитания, потому что это была сущая мерзавка, да будет ей земля пухом… Создатель еще был к нам милостив и почти лишил ее ног в последнее время… Не подумайте, что я такая уж ведьма или желаю зла ближнему, но, пока она могла ходить,

как все, нам никакой жизни не было…

Только что, наводя справки в комиссариате полиции Бур-ла-Рене, Мегрэ с удивлением узнал, что покойнице не было и шестидесяти лет. Опухшее лицо и выпученные глаза делали ее много старше, несмотря на крашеные волосы.

> «…Жюльетта-Мария-Жанна-Леонтина Казенов, вдова Буанэ, 59 лет, родившаяся в Фонтене-ле-Конте в Вандее, не имеющая профессии…»

Свернутая набок шея, острый пучок на макушке, черный шерстяной платок, завязанный накрест на тощей груди, — до чего же, верно, уродлива эта старческая грудь! Госпожа С-вашего-позволения перебирала свой запас сплетен с тем же упоением, с каким незадолго до того обсасывала свиную ножку. Время от времени она бросала взгляд на застекленную дверь.

— Как видите, в доме все спокойно… Обычно в этот час почти все жильцы уже у себя.

— С какого времени госпожа Буанэ владела этим домом?

— Да, наверно, всегда… Муж ее имел строительную контору и построил немало домов в Бур-ла-Рене. Он помер молодым, ему не было и

пятидесяти, да, впрочем, для бедняги оно и лучше было… После его смерти она поселилась здесь, тому уж лет пятнадцать… В ту пору, с вашего позволения, она была точно такая же, как сейчас, только тогда она ходила и поедом ела и меня, и всех жильцов… Не дай Бог, если ей попадалась на лестнице кошка или собака… А если кто-нибудь набирался смелости просить ее о ремонте… Да что там! В нашем доме провели электричество позже, чем во всей округе…

С лестницы доносились шаги, на втором этаже хныкал ребенок.

— Это у госпожи Бурникель, — пояснила госпожа С-вашего-позволения. — Ее муж коммивояжер. У него малолитражная машина. Сейчас он наверняка разъезжает по Юго-Западу. Его по три месяца дома не бывает. У них уже четверо детей, ждут пятого. Из-за детской коляски разгорелся тут целый сыр-бор. Госпожа Буанэ, упокой, Господи, ее душу, не разрешала оставлять коляску в подъезде, и им приходилось дважды в день таскать ее вверх и вниз… Вон как раз их нянька выносит помойное ведро…

Вспыхнул свет, и они увидели, как прошла девушка в белом переднике. Она шла, откинувшись назад, держа обеими руками тяжелый бак

с мусором.

— О чем это я говорила?.. Ах да!.. Не хотите ли стаканчик вина, господин комиссар?.. Ну да, у меня осталась еще одна славная бутылочка, которую принес мне господин Бурникель, он ведь агент по продаже вин… Лет двенадцать тому назад сестра госпожи Буанэ, тоже вдова, померла в Фонтене, и госпожа Буанэ выписала сюда ее троих детей — двух девочек и мальчика. Весь квартал дивился такой ее щедрости… Она тогда занимала весь шестой этаж целиком… Племянник, месье Жерар, первым ушел из дома. Он стал солдатом, только бы не жить с теткой. Потом он женился… Живет в Париже недалеко от площади Бастилии. Сюда заглядывает редко… По-моему, дела у него идут неважно.

— Вы видели его в последнее время?

— Большей частью он дожидался на улице, когда выйдет сестра… Парень он не гордый, к тому же жена его ждет прибавления семейства. На прошлой неделе он приходил сюда и даже поднялся наверх… Я думаю, ему нужны были деньги. Вышел он невеселым… Чтобы выудить денежки у тетки, надо, с вашего позволения, немало потрудиться… Ваше здоровье!

Она быстро обернулась и уставилась на дверь.

Свет не зажегся, послышался легкий шорох. Госпожа С-вашего-позволения встала и резко распахнула дверь. Они увидели удаляющуюся девичью фигуру.

— Все-то она бродит по лестницам, эта мадемуазель Нуши!.. Ну что ты с ней поделаешь!

Консьержка, охая, уселась на свое место.

— Нелегко это — тащить на своем горбу такой большой дом… Взять хоть этих жильцов с шестого этажа, они как раз были соседями хозяйки… О чем, бишь, я говорила? Ах да… Так, значит, месье Жерар ушел в армию. А потом и младшая из племянниц, Берта, которая тоже не ладила с теткой, ушла из дома и работает продавщицей в универсальном магазине. Вот старуха и воспользовалась этим и сдала половину квартиры венграм Сивеши… У них две дочери — Нуши и Почи… Почи — толстуха, разгуливает чуть не полуголая. Да и Нуши, надо сказать, хотя ей всего шестнадцать, ведет себя немногим лучше… Вечерами вечно таскается по углам или вертится в подъезде…

Лучше всего не прерывать консьержку и попытаться понять смысл ее слов. Итак, на втором этаже — семейство Бурникель, четверо детей. Хозяин уехал, есть служанка, ожидают еще одного младенца.

На шестом — семья Сивеши. Утром Мегрэ уже видел одну ее представительницу — толстую бесстыдницу Почи, а только что промелькнула и худышка Нуши.

— ...И мать им не перечит... Что вы хотите, у этих людей совсем другие понятия... Вот хоть к примеру... Не далее как на прошлой неделе разношу я почту... Стучусь. Кричат: «Войдите!» Я, ничего не подозревая, вхожу, и что же я вижу? Госпожа Сивеши сидит в чем мать родила, курит себе сигарету и смотрит на меня без малейшего стыда... И это при обеих дочерях!..

— А что за профессия у этого Сивеши?

— Уж какая там, с вашего позволения, профессия. Таскается без дела туда-сюда, вечно у него под мышкой книги... И за провизией тоже он ходит. За два квартала у него не плачено, но его ничуть не смущает, что к нему явится судебный исполнитель. Можно подумать, это его развлекает... А вот милейший господин Лелу — месье Гастон, как я его называю, — совсем не таков... Он торгует велосипедами. Очень достойный молодой человек, когда-то он продавал газеты и немало приложил усилий, чтобы открыть собственное дело. В конце месяца ему всегда трудно, и тогда, клянусь вам, ему совестно смотреть людям в глаза, даже мне,

хотя я уж… Он всего три месяца женат, и, чтобы сэкономить на квартире, они спят в чулане за лавкой, там, где сложены шины и колеса… Постойте, наверняка эта мерзавка Нуши опять…

Мегрэ встал и открыл дверь, за которой в потемках смутно различил лицо молоденькой венгерки с большими темными глазами и вызывающе красным ртом.

— Вам что-нибудь нужно? — спросил он.

Она ответила без тени смущения:

— Хотелось взглянуть, какой вы… Мне сказали, что знаменитый комиссар Мегрэ…

Она смотрела ему прямо в глаза. Она была худая и узкобедрая, но грудь у нее уже была вполне развита, и облегающая кофта дерзко подчеркивала это.

— Ну что ж, теперь вы меня видели и…

— А разве вы не будете меня допрашивать?

— Вы хотите мне что-нибудь сообщить?

— Может быть…

Госпожа С-вашего-позволения с негодующим видом вздохнула и покачала головой, насколько прострел позволял ей это.

— Войдите… Что же вы хотели сказать?

В комнате консьержки девчонка чувствовала себя как дома. По ее торжествующему виду мож-

но было подумать, будто она побилась об заклад, что сумеет завязать разговор с комиссаром.

— Я хотела рассказать вам о господине Дандюране…

— Кто это? — повернулся Мегрэ к консьержке.

Возмущенная самим присутствием Нуши, консьержка сказала:

— Не знаю, что она вам собирается наплести, но этим девчонкам, с вашего позволения, соврать — что плюнуть… Господин Дандюран — бывший адвокат, очень приличный, степенный, спокойный жилец и вообще… Он уже который год занимает пятый этаж… Столуется не дома. Никто к нему не ходит… Да он и сам скоро появится.

— Ну так вот, — деловито сообщила Нуши, — господин Дандюран просто старый кобель… Каждый раз, как я спускаюсь, он стоит за своей дверью… Несколько раз он шел за мной по улице… А в прошлом месяце, когда я проходила мимо его квартиры, он стал знаками зазывать меня к себе…

Госпожа С-вашего-позволения воздела руки к небу, словно говоря: «Подумать только, какие мерзости приходится слушать!»

— В понедельник я из любопытства зашла к нему, и он стал показывать мне свою коллекцию

открыток. Клянусь вам, сроду я таких гнусностей не видела. Он сказал, что, если время от времени я буду его навещать, он даст мне…

— Не верьте ей, господин комиссар…

— Даю слово, что это правда… Я тут же все рассказала Почи, и она тоже пошла посмотреть открытки. Он и ей стал предлагать то же самое…

— Что же он ей предложил?

— Как и мне, часы с браслетом… Не иначе, у него их целый склад… А теперь я еще вот что расскажу. Однажды ночью, когда мне не спалось, я услышала какой-то шум на площадке… Я встала и подошла к двери… Посмотрела в замочную скважину и увидела его…

— Простите, — прервал Мегрэ. — На лестнице горел свет?

Он почувствовал, что она колеблется, слегка растерялась.

— Нет, — произнесла она наконец, — но ночь была лунная.

— Разве луна может освещать лестницу?

— Да, через слуховое окошко, как раз над площадкой…

Это была правда, Мегрэ вспомнил про окошечко. Но почему же она вдруг заколебалась?

— Благодарю вас, мадемуазель… Можете идти

домой. Ваши родители, наверно, беспокоятся…

— Они с сестрой пошли в кино.

На лице у нее было написано разочарование. Уж не рассчитывала ли она, что Мегрэ поднимется с ней?

— Вы больше ни о чем не хотите меня спросить?

— Нет… До свидания.

— Это верно, что Сесиль умерла?

Он не ответил и притворил за ней дверь.

— Ну и срам, с вашего позволения, — вздохнула консьержка. — Еще стаканчик, господин комиссар. Того и гляди, она начнет принимать мужчин у себя дома, когда нет родителей… Вы заметили, как она на вас поглядывала?.. Я просто краснела за весь женский пол…

С улицы по-прежнему доносился грохот грузовиков и легковых машин. Мегрэ снова уселся в плетеное кресло, затрещавшее под его тяжестью. Консьержка подбросила угля в печку и тоже села, кот вскочил к ней на колени. Стало жарко. Казалось, автомобили и грузовики проносятся где-то в чужом, далеком мире, словно на другой планете, и живым остался только этот ставший таким привычным дом. Над кроватью консьержки висела резиновая груша, с помощью которой

открывалась входная дверь.

— Без вашего ведома в дом никто не может войти, верно?

— Да это невозможно: ключей ведь нет.

— А через лавки?

— Внутренние двери, ведущие из лавок в дом, забиты. Госпожа Буанэ очень боялась воров…

— Вы сказали, что она уже многие месяцы не выходила из дому?

— Видите ли, она была не совсем недвижима. Она передвигалась по квартире, опираясь на палку. Иногда она даже выползала на площадку, чтобы следить за жильцами или проверить, хорошо ли я делаю уборку… Не услышишь, как она появится. Прямо крадется в своих войлочных туфлях и даже на палку нацепила резиновый наконечник.

— У нее бывало много народу?

— Никого… Вот разве что ее племянник, месье Жерар, иногда заходил. Племянница, мадемуазель Берта, и носа к тетке не казала. Сдается мне, с вашего позволения, что она завела дружка. Как-то в воскресенье, идя на кладбище, я ее встретила с очень видным мужчиной лет тридцати, и я сразу подумала, что он человек женатый… Только вот не разглядела, есть ли у него кольцо…

— Словом, госпожа Буанэ жила совершенно одна с Сесилью?

— Бедная девушка! Такая обходительная, такая преданная! Тетка обращалась с ней как с прислугой, а она никогда не жаловалась. Вот уж эта сроду не бегала за мужчинами. Слабенькая, здоровье никудышное, что-то с желудком, а ведь ей приходилось выносить мусор с шестого этажа и таскать наверх уголь…

— А деньги в банк относила Сесиль?

— В какой банк?

— Когда госпожа Буанэ получала квартирную плату с жильцов…

— Да ни за какие блага на свете она не стала бы помещать в банк свои деньги… Она никому не доверяла!.. Помню, вначале господин Бурникель хотел заплатить чеком, так она возмутилась: «Это еще что за новости! Передайте этому господину, что я принимаю только наличные!» Господин Бурникель заупрямился… Две недели они препирались, и в конце концов ему пришлось уступить… Еще стаканчик вина, господин комиссар? Я вовсе не так часто пью, с вашего позволения, но ради такого случая…

Затрещал звонок над кроватью. Она встала и, перегнувшись над постелью, сжала резиновую

грушу, говоря:

— Это господин Дезеглиз, жилец с третьего этажа, дверь налево. Он кондуктор автобуса, и каждую неделю его рабочие часы меняются…

И действительно, они увидели, как прошел мужчина в форменной фуражке кондуктора.

— На том же этаже живет незамужняя учительница музыки, мадемуазель Поко. Каждый час к ней приходят ученицы, и, когда на улице дождь, можете себе представить, какая грязь на лестнице… На четвертом этаже никто не живет… Вы, верно, заметили объявление на парадном. Прежних жильцов пришлось выселить: они задолжали за полгода. Между прочим, это были очень воспитанные люди и меня не забывали… Что поделаешь!.. Не всегда деньги водятся у хороших людей. Странно, что господин Дандюран еще не вернулся… Нет, подумать только, какие мерзости плела тут про него эта негодница… Такие испорченные девчонки, как она, не постесняются засадить человека в тюрьму ради того только, чтобы покрасоваться перед людьми!.. Вы заметили, как она вам глазки строила? Это вам, человеку в годах, женатому, да еще официальному лицу… Уж я-то в этом смыслю, мой муж тоже был служащим… на железной дороге… А вот и

господин Дандюран…

Она встала и снова наклонилась, чтобы сжать рукой грушу. В коридоре и на лестнице вспыхнул свет. Послышалось глухое щелканье закрываемого зонта и старательное шарканье подошв о коврик.

— Да, уж этот лестницы не запачкает…

Сухое покашливание. Медленные, размеренные шаги.

Дверь в комнату приоткрывается.

— Нет ли почты для меня, госпожа Бенуа?

— Сегодня ничего, с вашего позволения, господин Дандюран…

Это был пожилой человек с землистым цветом лица, седоватый, одетый во все черное, с мокрым зонтом в руках. Он взглянул на комиссара, который сдвинул брови, силясь вспомнить, где он видел это лицо.

Однако, когда говорили о Дандюране, его фамилия ничего не сказала Мегрэ. А между тем он был уверен, что знает этого человека. Мегрэ напрягал память. Где же?..

— Комиссар Мегрэ, если не ошибаюсь? — спокойно произнес жилец, все еще стоя в дверях. — Представьте, господин комиссар, я только что заходил к вам. Я понимаю, что время сейчас

неурочное, но мне стало известно, что произошло…

Внезапно в уме Мегрэ всплыло имя… Месье Шарль…

У него появилась уверенность, что между этим именем и стоящим перед ним человеком существовала связь. Что же все-таки оно ему напоминает? Маленькое кафе со своими обычными посетителями…

— Вы хотите сообщить мне что-то срочное?

— Как вам сказать… Я подумал… Не поднимете ли вы ко мне ненадолго? Вы позволите, госпожа Бенуа? Простите, что заставляю вас взбираться на пятый этаж, господин комиссар. Только что на набережной Орфевр я узнал, что бедная мадемуазель Сесиль… Признаюсь, я был потрясен…

Мегрэ встал и вышел вслед за Дандюраном на лестницу.

— Я увидел, что вы как будто узнаете меня, но не можете вспомнить. Пойдемте немного быстрее, а то свет сейчас погаснет…

Он нащупал в кармане ключ и вложил его в замочную скважину. Мегрэ поднял голову и в темноте различил силуэт Нуши, наклонившейся над перилами. Через мгновение смачный плевок

шлепнулся на площадку у их ног.

Господин Дандюран зябко ежился. Он носил пальто, еще более толстое и тяжелое, чем у Мегрэ, и закутывал шею шерстяным шарфом. Весь он был какой-то бесцветный, облезлый, типичный старый холостяк, и в квартире его тоже все дышало одинокой старостью, остывшей трубкой и сомнительной чистоты бельем.

— Одну минуточку, если позволите. Я зажгу свет.

Комната — типичный кабинет адвоката или дельца.

Темная мебель, черные книжные шкафы, битком набитые юридической литературой, на столах груды зеленых папок, журналов и досье.

— Вы, конечно, курите?

На письменном столе у него было аккуратно разложено с десяток трубок, одну из которых хозяин набил, задернув предварительно штору на окне.

— Вы все еще не узнаете меня? Мы встречались, правда, всего дважды: один раз в кафе Альбера на улице Бланш…

— Знаю, месье Шарль…

— Другой раз…

— В моем кабинете на набережной Орфевр,

восемь лет назад, когда мне понадобились от вас кое-какие объяснения… Нужно признаться, что у вас на все был готов ответ…

Холодная, ледяная улыбка на холодном бледном лице, на котором только мясистый нос выделялся розовым пятном.

— Присядьте… Сегодня утром меня не было дома…

— Разрешите узнать, где вы находились?

— Сейчас, когда я уже в курсе дела, я понимаю, что это обернется против меня. А между тем у меня вошло в привычку ходить во Дворец правосудия… Причуда старого адвоката… С тех пор как…

— С тех пор как вас исключили из адвокатского сословия Фонтене-ле-Конта…

Он неопределенно повел рукой, как бы говоря: «Верно, но какое это имеет значение…»

Вслух бывший провинциальный стряпчий продолжал:

— Большую часть времени я провожу во Дворце правосудия. Не далее как сегодня там в Тринадцатой палате слушалось любопытное дело… Дело о вымогательстве в одной семье. И мэтр Бонифас, который защищал зятя…

Господин Дандюран, в прошлом мэтр Дандю-

ран, живший прежде в одном из самых старинных особняков в Фонтене, имел неприятную привычку хрустеть суставами пальцев.

— Если вам все равно, оставьте, пожалуйста, в покое свои пальцы и скажите, зачем вы явились в мой кабинет, — со вздохом проговорил Мегрэ, разжигая потухшую трубку.

— Извините… Когда сегодня утром около восьми часов я вышел из дому, я не знал о том, что произошло на шестом этаже… И только в четыре часа во Дворце правосудия один приятель сообщил мне…

— Об убийстве госпожи Жюльетты Буанэ, урожденной Казенов, родом из того же Фонтенеле-Конта, что и вы.

— Совершенно точно, господин комиссар… Я вернулся сюда, но вас здесь не было. Я предпочел ничего не говорить полицейскому, охранявшему вход в квартиру. Я сел в трамвай, надеясь увидеть вас на набережной Орфевр. Вероятно, мы разминулись. Комиссар Кассье, который меня знает…

— Начальник полиции нравов действительно не может не знать месье Шарля…

Собеседник продолжал, словно не слышал реплики:

— Комиссар Кассье рассказал мне о Сесили

и о…

Мегрэ встал и на цыпочках прошел через переднюю, дверь в которую оставалась открытой. Когда он резко рванул входную дверь, Нуши, подсматривавшая в замочную скважину, чуть не упала на него. Увертливая, как угорь, она тотчас выпрямилась и бросилась вверх по лестнице.

— Итак, вы говорили…

— Тогда я решил, что успею пообедать. Потом я довольно долго ждал трамвая на площади Сен-Мишель, и вот я дома… Я знал, что найду вас здесь… Я вам хотел сообщить, что прошлой ночью, между двенадцатью и часом, я находился в квартире госпожи Буанэ, моей приятельницы и в некотором роде клиентки…

Он хрустнул пальцами, но тут же спохватился:

— Простите, пожалуйста, старая привычка…

Глава 4

Был одиннадцатый час вечера. Госпожа Мегрэ сидела перед зеркальным шкафом около приготовленной на ночь двуспальной кровати и закручивала волосы на бигуди. Бульвар Ришар-Ленуар был пустынен. Блестевшее от дождя шоссе за Орлеанской заставой тоже было пустынно, но время от времени стремительно проносились одна за другой машины, выбрасывая перед собой сноп мертвенно-белых лучей.

Свет пролетавших фар почти не касался дома госпожи Буанэ, несоразмерно высокого и узкого, казавшегося еще уродливее оттого, что по соседству не стояли другие дома и его оголенные бока были словно обрублены.

В бакалейной госпожи Пьешо все еще горел свет, хозяйка, экономя уголь, сидела в лавке перед печкой. По другую сторону от подъезда дома, в велосипедном магазине, было темно, но за витриной видна была приоткрытая в заднее помещение дверь, а за ней кровать и молодой человек с сапожной щеткой и ботинком в руках…

Семья Сивеши отправилась в кино. Консьержка не хотела ложиться до ухода Мегрэ и, чтобы

не заснуть, допивала бутылку красного вина, беседуя о событиях дня со своим котом.

А на другом конце Парижа, в Институте судебной экспертизы, в огромном холодильном шкафу застыли в неподвижности два тела…

Квартира Дандюрана, как видно, никогда не проветривалась, и все ее запахи образовывали какую-то отвратительную удушливую смесь, которая пропитывала одежду и даже на улице долго преследовала вас. Мегрэ курил, выпуская густые клубы дыма, и старался не смотреть в лицо собеседнику.

— Скажите-ка, господин Дандюран… Если я не ошибаюсь, вам пришлось оставить Фонтене из-за нарушения кодекса нравов? Так… Хотя это было давно, но несколько недель назад о вас вспоминали в криминальной полиции. Вы тогда получили два года тюрьмы…

— Совершенно верно, — холодно подтвердил стряпчий.

Мегрэ еще плотнее укутался в толстое пальто, словно оно защищало его от тошнотворных испарений этой комнаты. Он даже шляпы не снял. Несмотря на внешнюю угрюмость, он обычно снисходительно относился ко многим человеческим слабостям; но некоторые люди вызывали в

нем непреодолимое физическое отвращение.

Господин Дандюран был из их числа.

Это отвращение доходило до того, что Мегрэ всегда чувствовал себя не в своей тарелке, даже в присутствии своего коллеги Кассье, который ведал полицией нравов.

Он-то и рассказывал Мегрэ о человеке, известном под именем «месье Шарль», провинциальном стряпчем, замешанном в грязной истории с растлением несовершеннолетних и отсидевшем два года в тюрьме перед тем, как осесть в Париже.

История его была довольно необычна и могла бы служить примером извилистости иных человеческих судеб. Выброшенный из сословия своих коллег, затерявшийся в столице, где никто его не знал, Дандюран жил на вполне приличную ренту и мог свободно предаваться своему пороку. Он был из породы унылых пакостников, которые целыми днями слоняются по улицам, пряча бегающий взгляд, и оживляются, только преследуя в толпе случайную жертву.

Его встречали близ заставы Сен-Марсель, на Севастопольском бульваре и на площади Бастилии. Он был из тех, кто, притаившись в тени подъезда, подкарауливал девушек, выходивших из мастер-

ских и магазинов, и большей частью кончал свой день тем, что, ссутулившись и подняв воротник, проскальзывал в плохо освещенную дверь какого-нибудь притона.

Он довольно быстро узнал все злачные места и их содержательниц.

— Здравствуйте, месье Шарль… Что вы хотите сегодня заказать?

Здесь он чувствовал себя как дома. Он сжился с атмосферой этих заведений, нуждался в ней ежедневно.

Очень скоро там узнали, что он бывший адвокат, и при случае прибегали к его советам.

В конце концов он сделался своим человеком. Его встречали уже не как клиента, а как друга.

— Вы знаете, что дом на улице Антен продается? У Дэдэ неприятности, и он на следующей неделе отплывает в Южную Америку… Везет с собой пятьсот тысяч наличными…

Можно было подумать, что Мегрэ о чем-то мечтает. Опустив голову, он упорно смотрел на выцветший красный ковер на полу. Но вдруг он вздрогнул, услышав шум над головой. На миг ему почудилось, будто шум доносится из квартиры госпожи Буанэ, и перед ним возник образ Сесили…

— Это Нуши, — пояснил Дандюран со своей обычной тусклой улыбкой.

Ну конечно, ведь Сесиль умерла!

Сесиль умерла! А в это время начальник криминальной полиции, сидя у друзей за партией бриджа, рассказал в двух словах о том, что произошло, описав чулан, труп, прислоненный к стене, и высокую фигуру Мегрэ на пороге.

— Ну и что же он сказал?

— Ничего… Только глубже засунул руки в карманы… Я думаю, это один из самых болезненных ударов за все годы его службы… Он ушел, и я очень сомневаюсь, что он лег спать сегодня ночью… Бедняга Мегрэ…

А Мегрэ тем временем выбивал трубку о каблук, вытряхивая золу на ковер.

— Вы, кажется, вели дела госпожи Буанэ? — медленно спросил он, морщась, словно слова были горькими.

— Я знал ее и ее сестру по Фонтене-ле-Конту. Мы жили почти рядом. А здесь я вновь встретил ее, когда снял эту квартиру… Она была уже вдовой. Вы не знали ее?.. Не скажу, что она была сумасшедшей, но отличалась большими странностями. Деньги были ее страстью. Все свои капиталы она держала дома, боялась, что в банке

ее обворуют.

— И вам это было на руку!

Мегрэ нетрудно было представить себе этого субъекта в домах терпимости и его беседы с их содержательницами, поверявшими ему свои тайны. Затем Дандюран поднялся еще на одну ступень и познакомился с владельцами этих заведений; он встречался с ними в барах Монмартра, где вечерами они собирались за карточным столом.

Так адвокат из Фонтене Шарль Дандюран стал месье Шарлем, советчиком и соучастником этих господ, полностью доверявших ему, ибо его познания в уголовном кодексе оказывали им неоценимые услуги.

— Напротив, ей это было на руку, господин комиссар!

Его длинные, бледные, покрытые волосами руки перебирали трубки на письменном столе. Из ноздрей торчали пучки седоватых волос.

— Неужели вы никогда не слыхали о старой Жюльетте? Хотя вы занимались только сыскной полицией. Зато ваш коллега Кассье… Все началось с того дома, который продавался на улице Антен… Я сказал об этом госпоже Буанэ, которую всегда называл просто Жюльеттой: ведь

мы росли вместе… Она купила этот дом… Год спустя я приобрел для нее «Парадиз» в Безье, а «Парадиз» — одно из самых доходных заведений во Франции…

— Было ли ей известно, в какого рода предприятия вы помещали ее деньги?

— Послушайте, господин комиссар, я знавал немало скряг… Провинциальному адвокату часто доводится иметь дело со всякого рода людьми. Но их скупость ничто по сравнению со скупостью Жюльетты. Она испытывала почти мистическую страсть к деньгам. Расспросите содержателей домов, они вам скажут, сколько подобных заведений финансировала Жюльетта… Хотите, я приведу цифры?

Он встал, подошел к сейфу, вделанному в стену, достал потрепанную записную книжку и, послюнив грязные пальцы, стал ее листать.

— В прошлом году я передал Жюльетте в банкнотах пятьсот девяносто тысяч франков… Пятьсот девяносто тысяч чистой прибыли.

— И все эти деньги находились у нее?

— Полагаю, что да, поскольку она не выходила из дому и ни за что не доверила бы такие суммы племяннице… Я догадываюсь, о чем вы подумали… Мое положение может показаться ложным…

Но вы ошибаетесь, господин комиссар, уверяю вас. Я никогда не присвоил ни одного сантима из чужих денег… Расспросите моих клиентов… Вы же знаете, такие люди не прощают никаких нарушений… Они все подтвердят вам, что месье Шарль — человек безупречный… Не хотите ли табачку?

Мегрэ отстранил протянутый ему кисет и вытащил из кармана свой.

— Нет, благодарю.

— Как хотите… Я честно ввожу вас в курс дела. Карты на стол, как говорят у Альбера.

На лице этого человека, который половину жизни прожил в самой ханжеской среде Фонтене, появлялась странная усмешка, когда он употреблял жаргонные словечки.

— У Жюльетты были нелепые причуды. Она до смерти боялась, что как-нибудь обнаружится, куда именно она вкладывает деньги… Заметьте, никто не приходил к ней, никто ею не интересовался… Тем не менее она принимала смехотворные, прямо умилительные меры предосторожности… Последние полгода, когда она не покидала больше своей квартиры, я должен был посещать ее… А знаете ли вы, как я вынужден был обставлять эти визиты?

На лестнице послышались шаги. Семья Сивеши возвращалась домой, возбужденно переговариваясь по-венгерски, затем с верхнего этажа донеслись их громкие голоса, споривши о чем-то.

— …Каждое утро консьержка разбирает у себя почту и газеты жильцов и раскладывает их по ящикам. Мне надо было, доставая свою газету, начертить карандашом крестик на газете Жюльетты. Ни о чем не подозревавшая бедняжка Сесиль обычно спускалась за газетой несколько позже… В полночь я бесшумно поднимался по лестнице, а за дверью меня уже ждала Жюльетта, опираясь на свою палку…

А ведь вся криминальная полиция насмехалась над Сесилью, когда она рассказывала, что некоторые предметы меняют по ночам свое место!

— И племянница ее ни разу не проснулась?

— Сесиль? Тетка не допустила бы этого. Если вы обыскали помещение — а вы, несомненно, это сделали, — то вы, конечно, обнаружили в ящике комода снотворное. В те вечера, когда Жюльетта ждала меня, она принимала меры, чтобы Сесиль спала беспробудным сном и… Извините, я до сих пор ничего не предложил вам. Выпьете чего-нибудь?

— Нет, благодарю вас.

— Понимаю… Однако вы на ложном пути, господин комиссар. Можете мне не верить, но я не способен убить даже цыпленка и падаю в обморок при виде крови…

— Госпожа Буанэ была задушена…

Бывший адвокат на мгновение умолк, словно смущенный этим аргументом. Он взглянул на свои бледные руки.

— На это я тоже не способен… К тому же я нисколько не был заинтересован в ее смерти…

— Скажите, господин Дандюран, сколько, по-вашему, денег хранилось у госпожи Буанэ?

— Примерно восемьсот тысяч франков.

— Вам известно, где она их прятала?

— Этого она мне никогда не говорила… Но, хорошо зная ее, я предполагаю, что она никогда с ними не расставалась, что они постоянно находились у нее под рукой, что она, возможно, спала со своим состоянием…

— А между тем при обыске ничего не обнаружили… Ведь у нее, вероятно, были процентные бумаги, купчие… Из секретера они исчезли… В котором часу вы ушли от нее прошлой ночью?

— Между часом и половиной второго.

— По заключению судебного эксперта, госпожа

Буанэ была убита около двух часов ночи… Консьержка утверждает, что никто из посторонних не проникал в дом… И еще вопрос: во время последнего посещения госпожи Буанэ был ли у вас повод думать, что Сесиль не спит?

— Нет.

— Постарайтесь припомнить… Уверены ли вы, что не забыли в квартире ничего, что могло навести на мысль о вашем визите?

Месье Шарль спокойно размышлял:

— Не думаю.

— Это все, что я хотел узнать от вас… Разумеется, я прошу вас не уезжать из Парижа и постараться вообще не уходить из дома надолго…

— Понимаю…

Мегрэ был уже в передней.

— Да, простите, чуть не забыл… Часто ли вы принимаете здесь ваших друзей?

Он подчеркнул слово «друзей».

— Ни один из них не входил в этот дом. Я тоже соблюдаю осторожность, господин комиссар… Разумеется, не в такой чудовищной форме, как Жюльетта, я ведь не маньяк… Мои друзья, как вы их называете, не знают моего адреса и пишут мне до востребования. И уж конечно, они не знали не только адреса госпожи Буанэ, но даже ее

настоящего имени… Так что многие из них даже убеждены, что никакой Жюльетты никогда не существовало и что я выдумал ее в своих целях.

Снова послышались шаги на лестнице и голос запыхавшейся консьержки:

— Месье Жерар, подождите же!

Затем она громко крикнула:

— Господин комиссар! Господин комиссар!

Мегрэ открыл дверь и нажал на кнопку, так как свет в эту минуту погас. Перед ним, дрожа от нервного возбуждения, стоял незнакомый молодой человек.

— Где моя сестра? — спросил он, глядя на Мегрэ блуждающим взглядом.

— Это месье Жерар, — объяснила госпожа Бенуа. — Он прибежал сюда как сумасшедший… Я ему сообщила, что мадемуазель Сесиль…

— Вернитесь к себе, господин Дандюран! — проговорил Мегрэ.

Дверь квартиры Сивеши была открыта. И еще одна дверь отворилась этажом ниже.

— Пойдемте со мной, месье Жерар… Вы можете спуститься к себе, госпожа Бенуа…

Комиссар нащупал в кармане ключ от квартиры убитой.

Он пропустил молодого человека вперед и за-

пер дверь.

— Вы только сейчас об этом узнали?

— Значит, это правда? Сесиль умерла?

— Кто вам сказал?

— Консьержка…

В квартире все было перевернуто вверх дном после визита экспертов из отдела криминалистики. Все ящики выдвинуты, и содержимое вывалено как попало.

— Значит, моя сестра…

— Да, Сесиль умерла.

Жерар был так взволнован, что не мог даже плакать.

Он оглядывался, словно ничего не понимая, и лицо его болезненно дергалось.

— Это невозможно! Где она?

Он рванулся к ее комнате, но комиссар удержал его:

— Ее здесь нет… Успокойтесь… Подождите…

Он вспомнил про бутылку рома, которую заметил в шкафу, и протянул ее молодому человеку.

— Выпейте… Так как же вы узнали?

— Я сидел в кафе, когда…

— Простите, я буду задавать вам вопросы… Так пойдет быстрее… Что вы делали сегодня днем?

— Я ходил по трем адресам… Я ищу работу…

— Какую?

— Любую, — лицо его исказилось гримасой, — жена на днях разродится. Хозяин выставляет нас из дома… Я…

— Вы вернулись домой обедать?

— Нет… Я зашел в кафе…

Тут только Мегрэ заметил, что Жерар, несомненно, уже выпил, хотя и не был пьян.

— Вы искали работу в кафе?

Ответом ему был злобный, ненавидящий взгляд.

— И вы тоже, ну конечно!.. Как моя жена!.. Где уж вам понять, что значит зря гонять с утра до вечера… Знаете, чем я занимался на прошлой неделе три ночи сряду? Откуда вам знать… Вам-то ведь все равно! Ну так вот, я выгружал овощи на Центральном рынке, чтобы заработать на обед… А сегодня в кафе я надеялся встретить кое-кого, кто обещал устроить меня на работу…

— Кого же?

— Я не знаю его имени… Высокий рыжий парень, который продает приемники.

— В каком кафе?

— Вы что, подозреваете, что я убил тетку?

Он дрожал с головы до ног. Казалось, он вот-вот набросится как безумный на комиссара.

— Я был в «Пушке Бастилии», если вас это интересует… Я живу на улице Па-де-ла-Мюль. Парень все не шел. А я не хотел возвращаться домой ни с чем…

— Вы не обедали?

— Вам-то какое дело?.. На диване в кафе валялась газета. Я, как всегда, стал просматривать объявления… Вы себе не представляете, что значит читать подобные объявления… Словом…

Он махнул рукой, как бы отгоняя от себя кошмарное видение.

— И вдруг на третьей странице я вижу имя тетки… Я не сразу сообразил… Всего несколько строчек… «Домовладелица из Бур-ла-Рена задушена в своей постели. Минувшей ночью госпожа Жюльетта Буанэ, домовладелица, проживающая в Бур-ла-Рене…»

— В котором часу вы это прочли?

— Не знаю, право… У меня уже давно нет часов… Может быть, в половине десятого. Я побежал домой и сказал Элен…

— Это ваша жена?

— Да… Я сказал ей, что тетка умерла, и бросился к автобусу…

— Вы ничего не выпили перед уходом из дому?

— Всего одну рюмку для бодрости… Я не мог

понять, почему Сесиль не известила меня…

— Вероятно, вы должны стать наследником тетки?

— Да, наравне с моими сестрами… На площади Шатле я ждал трамвая, и вот… Но что же с Сесилью? За что ее убили? Консьержка сказала…

— Сесиль была убита, потому что знала имя убийцы, — медленно произнес Мегрэ.

Молодому человеку никак не удавалось обрести хладнокровие, и он протянул руку к бутылке рома.

— Нет, хватит, — сказал комиссар. — Сядьте. Вам больше нужна чашка крепкого кофе.

— На что вы намекаете?

Держался он весьма агрессивно и смотрел на своего собеседника, как на врага.

— Надеюсь, вы не предполагаете, будто я убил тетку и сестру? — вдруг крикнул он в бешенстве.

Мегрэ не ответил, он даже не услышал этих слов. С ним иногда случалось подобное: он словно исчез из этой комнаты, вернее, он мысленно воскресил всю обстановку; он увидел эту квартиру, какой она была несколько лет назад, тетку-маньячку, троих детей — подростка Сесиль, Берту, еще носившую распущенные по плечам волосы, и Жерара, готового записаться в солдаты, лишь

бы вырваться отсюда, избавиться от этой давящей атмосферы…

Он вздрогнул, когда молодой человек вцепился в отвороты его пальто и завопил:

— Почему вы молчите? Что вы вообразили?.. Неужели вы думаете, что я…

Резко пахнуло перегаром. Мегрэ отодвинулся, схватил его за руки.

— Спокойнее, мой мальчик, спокойнее, — шепнул он.

Он забыл, какая сила в его руках, юноша застонал, вырываясь из железных тисков комиссара.

— Мне больно…

Слезы наконец хлынули из его глаз.

Часть вторая

Глава 1

Уж не эпидемия ли свирепствует в Бур-ла-Рене? Мегрэ мог бы навести справки, но, едва подумав об этом, он сразу же забыл. Служащий похоронного бюро, вероятно, ответил бы ему, что покойники идут партиями: то по пять дней кареты для похорон по первому и второму разряду стоят без дела, то вдруг заказы начинают сыпаться со всех сторон.

В это утро похоронное бюро было так загружено, что одну из лошадей для катафалка, на котором везли Жюльетту Буанэ, пришлось нанять на стороне, и она раз десять пыталась перейти на рысь; от этого процессия двигалась словно скачками, слишком торопливо, что никак не соответствовало чинному ритуалу похорон.

Распоряжался всем некто Монфис, страховой агент из Люсона. Едва лишь газеты сообщили об убийстве Жюльетты Буанэ, как он прибыл в Париж уже в глубоком трауре (видимо, воспользовавшись траурным одеянием, сохранившимся с предыдущего погребения). Он появлялся повсюду, высокий, худой, бледный, с красным носом от насморка, который схватил в поезде.

Он приходился Жюльетте Буанэ двоюродным братом.

— Я знаю, что говорю, господин комиссар. У нас давным-давно было договорено, что она нам оставит кое-какое наследство, она даже согласилась быть крестной матерью нашего старшего сына… Я убежден, что завещание существует… Если его до сих пор не нашли, значит, кое-кому выгодно, чтобы оно исчезло. Впрочем, я намерен возбудить гражданский иск.

Он потребовал, чтобы похороны были по всей форме, с ритуальными светильниками у гроба, и чтобы шествие начиналось от дома покойной.

— У нас в семье не принято хоронить кое-как.

Утром в день церемонии он встречал на вокзале жену в глубоком трауре и пятерых сыновей; сейчас они следовали за гробом, выстроившись по росту, держа в руках шляпы, пять одинаково белобрысых мальчишек с одинаково торчащими вихрами.

В это время дня движение на шоссе особенно оживленное. Крытые грузовики с Центрального рынка двигались беспрерывной вереницей. Погода стояла ясная, солнечная, с легким морозцем. Люди притопывали ногами, стараясь согреться, и поглубже засовывали руки в карманы.

Мегрэ не ложился в эту ночь. Вместе с Люка он наблюдал из окна комнаты на улице Бираг за бандой поляков. Все три дня, прошедшие со смерти Сесили, он был мрачен и раздражителен. Поляки, отвлекавшие его от дела в Бур-ла-Рене, надоели комиссару. В семь утра он принял решение:

— Оставайся здесь!.. Я задержу первого, кто покажется…

— Осторожно, шеф… Они вооружены…

Он пожал плечами, вошел в «Аркады» и стал ждать на лестничной площадке. Спустя четверть часа дверь комнаты поляков отворилась. Оттуда вышел огромный детина и начал спускаться по лестнице. Мегрэ набросился на него сзади, они покатились вниз и катились так до первого этажа, пока комиссар не защелкнул наручники на запястьях противника; только тогда он поднялся на ноги.

Торанс уже спешил к нему, услышав свисток.

— Отведи его в полицию… Предоставляю тебе подготовить его к допросу… Заставь его заговорить, понятно? Если потребуется, попроси смену… И не церемоньтесь с ним.

Затем, отряхнув пыль с одежды, он зашел в кафе и у стойки выпил чашку кофе с коньяком и съел две булочки.

В криминальной полиции все знали, что в такие дни лучше ему не перечить. Госпожа Мегрэ также не отваживалась спросить, в котором часу ждать его к завтраку или обеду.

Нахмуренный и упрямый, стоял он на тротуаре перед витриной бакалейной лавки и сердито попыхивал трубкой. Газетные сообщения о преступлении в Бур-ла-Рене привлекли к дому множество любопытных, собралось также с полдюжины репортеров и фотографов. Два катафалка ждали перед домом — первый для Жюльетты Буанэ, второй для Сесили. Жильцы по настоянию госпожи С-вашего-позволения, уверявшей, будто это самое малое, что необходимо сделать, сложились и купили венок с надписью: «Нашей домохозяйке с прискорбием».

Кроме Монфисов, представлявших семейство Жюльетты Буанэ, урожденной Казенов, явились еще некие Буанэ и Маршепье из Парижа, представлявшие семью ее покойного мужа.

Оба лагеря с ненавистью следили друг за другом. Буанэ и Маршепье также считали себя обкраденными, заявляя, что покойница, когда умер ее муж, обещала вернуть со временем часть состояния в его семью. Накануне они явились в криминальную полицию. Их принял сам началь-

ник, поскольку это были люди с положением, а один из них даже муниципальный советник.

— Скажите-ка, Мегрэ... Эти господа утверждают, будто существует завещание, и сколько я им ни толкую, что был произведен тщательный обыск...

Они сердились на Мегрэ, на Монфиса, на Жюльетту. Словом, каждый считал себя обобранным, и больше всех Жерар Пардон, который был возбужден сильнее обычного и ни с кем не разговаривал.

За неимением денег он не мог облачиться в траур.

Вместо пальто на нем был старый плащ цвета хаки и на рукаве черная повязка.

Его сестра Берта не отходила от него, видимо встревоженная его лихорадочным состоянием. Эта миловидная, пухленькая, кокетливая девушка не сочла нужным сменить свою вишневую шляпку на черную.

Господин Дандюран также был здесь; он явился на роскошной машине в обществе четырех или пяти разодетых самоуверенных господ, пальцы которых были унизаны перстнями. Пришло и семейство Сивеши, кроме матери, которая еще не вставала. Бакалейщица, госпожа Пьешо, оста-

вила на минуту свою лавку на госпожу Бенуа, чтобы сбегать наверх и окропить оба гроба святой водой.

Распорядитель похоронного бюро нервничал, постольку на одиннадцать часов были назначены следующие похороны, и бегал от одной группы собравшихся к другой, тщетно стараясь отыскать официального представителя семьи усопших. Кроме того, фоторепортеры наводили на него страх.

— Не сейчас, господа, умоляю вас… Подождите хотя бы, пока каждый займет свое место!..

Что, если в газетах появится снимок, где будет изображена такая неорганизованная процессия!

Мегрэ привлекал к себе всеобщее внимание, но, казалось, не замечал этого. Когда стали выносить гробы, он коснулся плеча вздрогнувшего Жерара Пардона.

— Прошу вас на минуточку! — шепнул он, отводя его в сторону.

— Что вам еще от меня нужно?

— Ваша жена, вероятно, сообщила вам, что вчера я заходил к ней, когда вас не было дома…

— Вы хотите сказать, что делали обыск в квартире… — Болезненная усмешка исказила его черты. — Вы нашли то, что искали?

Услышав утвердительный ответ комиссара, Жерар с ужасом взглянул на него.

— Представьте себе, улучив минуту, когда ваша жена отвернулась, я из любопытства сунул руку в цветочный горшок… Я ведь люблю копаться в саду на досуге… Что-то в этом горшке показалось мне странным!.. И действительно, под слоем земли я обнаружил вот это…

На ладони у него лежал маленький ключик от квартиры Жюльетты Буанэ.

— Забавно, не правда ли? — продолжал он. — И удивительное совпадение… Когда через некоторое время я вернулся к себе в кабинет, меня поджидал слесарь, живущий в двух шагах отсюда, он сообщил мне, что недели две назад ему был заказан точно такой ключ…

— Ну и что из этого?

Жерара трясло, он оглядывался по сторонам, словно надеялся, что кто-то придет к нему на помощь. Взгляд его упал на гроб сестры, который люди в черном ставили на похоронные дроги.

— Вы хотите арестовать меня?

— Еще не знаю…

— Если вы допросили слесаря, вы должны знать, от кого я получил этот ключ…

Ключ дала ему Сесиль! Показания слесаря не

оставляли в том ни малейшего сомнения.

— В понедельник двадцать пятого сентября, — заявил он, — молодая особа лет тридцати явилась ко мне в мастерскую и, показав ключ от квартиры, спросила, не могу ли я изготовить другой такой же… Я попросил ее оставить этот ключ для образца. Она возразила, что он у нее один и она без него не может обойтись, так что мне пришлось снять с него слепок… Назавтра она пришла за заказом и заплатила мне двенадцать франков семьдесят пять сантимов… И только когда я прочитал в газетах описание примет Сесили Пардон, которая была убита, и особенно когда я узнал, что она слегка косила, я…

Процессия тронулась, распорядитель, отчаянно жестикулируя, бросился к Жерару, и Мегрэ сказал вполголоса:

— Поговорим потом…

Жерара и его сестру Берту поставили сразу за катафалком, но они не прошли и десяти метров, как Монфисы оттеснили их и заняли место в первом ряду.

Буанэ и Маршепье держались скромнее, они не пытались изобразить на своих лицах скорбь и дорогой толковали о завещании. За ними следовал Дандюран и господа с массивными перстнями на

пальцах, один из них медленно ехал за кортежем в машине.

С самого начала из-за норовистой лошади процессия продвигалась быстрее обычного. Но когда пришлось повернуть налево, к церкви, кортеж так медленно пересекал шоссе, что образовалась пробка, движение замерло на несколько минут, и три трамвая, стоя друг за дружкой, ждали, когда освободится путь.

Жена Жерара побоялась прийти из-за своего состояния. Со дня на день она должна была родить. Накануне Мегрэ час просидел с ней в двухкомнатной квартире над лавкой мясника, которую чета занимала на улице Па-де-ла-Мюль.

Элен едва минуло двадцать три года, но ее лицо, уже успевшее утратить свежие краски молодости, выражало унылое смирение, свойственное жене бедняка. Во всем чувствовались жалкие, отчаянные попытки придать уют этому убогому жилищу. Некоторые вещи, должно быть, уже попали в ломбард. Мегрэ заметил также, что газ отключен.

— Жерару никогда не везло, — беззлобно вздохнула она. — А ведь он способный… Он гораздо умнее стольких других, которые хорошо устроены… Может быть, он слишком умен?

Отец Элен служил в налоговом управлении. Она не решалась открыть ему истинное положение дел и давала понять, что Жерар работает и что они счастливы.

— Вероятно, он показался вам немного озлобленным, но войдите в его положение… Последнее время ни в чем ему нет удачи… С утра до вечера он бегает по объявлениям… Я надеюсь, вы, по крайней мере, его-то не подозреваете?.. Он не способен ни на малейший нечестный поступок. Может быть, именно из-за своей щепетильности он не может добиться успеха… Вот, например, у последнего его хозяина, торговца пылесосами, случилась кража. Жерар подозревал одного служащего, но ничего не сказал… Патрон допрашивал его с пристрастием, словно обвинял, и Жерар предпочел уйти… Да, вы можете перерыть всю квартиру, но ничего интересного, кроме счетов и накладных, не найдете.

А на окошке стоял цветочный горшок! Мегрэ заметил, что земля в нем свежая, хотя герань давно засохла.

И он воспользовался моментом, когда Элен отвернулась…

Засунув руки в карманы, Мегрэ шел по тротуару чуть в стороне от процессии, что позволяло

ему курить трубку. В хвосте кортежа он увидел обеих сестер Сивеши — Нуши и Почи; для них все происходящее было занятным зрелищем, и они старались ничего не упустить.

Госпожа С-вашего-позволения доверила на час свой пост соседке, не подозревая, что Мегрэ поставил инспектора у дома напротив. Она дойдет только до церкви, но на кладбище не поедет: из-за прострела она боялась сквозняков.

Неожиданно шествие остановилось, что вовсе не было предусмотрено программой. Каждый поднимался на носки, чтобы узнать, что произошло.

Жюльетте Буанэ и Сесили действительно не везло.

Их кортеж вышел раньше времени и столкнулся с другой, запаздывающей процессией, которая появилась из поперечной улицы, направляясь к церкви. Пришлось пережидать. Лошади нетерпеливо били копытами о мостовую. Некоторые мужчины отделились от колонны, чтобы пропустить стаканчик; они поспешно выходили из бистро, утирая губы.

Из церкви доносились звуки органа, сзади, с шоссе, — шум проносившихся машин. Кюре торопливо совершал обычный обряд, и вскоре

церковные двери снова широко распахнулись.

— И не введи нас во искушение…

Распорядитель в треуголке ходил взад и вперед вдоль процессии, словно овчарка, бегающая вокруг своего стада.

— Избави нас от лукаваго…

— Аминь…

Они стали входить в церковь, хотя предыдущая процессия не успела еще выйти оттуда. Только один гроб — Жюльетты Буанэ — был установлен на возвышении. Гроб Сесили поставили сзади прямо на каменные плиты, и кюре начал:

— Избави нас, Господи…

Поскрипывали подошвы и ножки стульев, сквозь широко открытые двери врывались волны свежего воздуха, сверкала залитая солнцем улица. Сидевший в первом ряду Жерар то и дело оборачивался. Не Мегрэ ли он искал? Господа, пришедшие с Шарлем Дандюраном, держались с достоинством, каждый положил на поднос по сто франков. Берта в вишневой шляпке неотступно следила за братом, словно опасаясь какой-нибудь выходки с его стороны.

— Отче наш…

Какой-то бесцеремонный фотограф дал вспышку магния, и все невольно вздрогнули. Мегрэ в

своем толстом пальто с бархатным воротником стоял, прислонившись плечом к колонне, губы его шевелились, словно повторяя слова молитвы. Может быть, он молился за бедную Сесиль, которая так долго ждала его на набережной Орфевр?

Последние три дня никто не решался к нему подступиться. Он проходил по коридору Дворца правосудия, массивный, с грозным выражением лица, жуя мундштук трубки и пережевывая свои мрачные мысли.

— Что, не ладится? — спросил его накануне вечером шеф.

Мегрэ поднял на него глаза, и этот взгляд, тяжелый и мрачный, стоил любого ответа.

— Не расстраивайтесь, старина… Нужно только найти концы…

Витражи с фигурами евангелистов вдруг засияли на солнце, и Мегрэ беспричинно уставился на изображение святого Луки с темной квадратной бородой.

— И не введи нас во искушение…

Уж не ждала ли на улице еще одна похоронная процессия, что кюре отправлял службу с такой поспешностью? Непривычная к похоронам лошадь поминутно издавала громкое ржание, отдававшееся жизнерадостным эхом под свода-

ми церкви…

Зачем две недели назад понадобилось Сесили заказать тайком от тетки второй ключ? И она ли передала этот ключ брату? А если так…

Он снова видел Сесиль в зале ожидания, способную неподвижно сидеть часами с сумкой на коленях, не меняя положения.

Мегрэ вспомнил свои предположения. Или она последовала за кем-нибудь, кого она знала, кому доверяла, или же ее уверили, что ведут к нему…

Может быть, это был брат?

Комиссар испытывал неловкость, избегал взгляда Жерара, не сводившего с него глаз. Берта тщетно пыталась успокоить брата, касаясь его руки.

— Сюда, господа… Поспешите, пожалуйста!..

На кладбище в этот день царила та же суматоха. Процессия торопливо прошла мимо семейных склепов и каменных надгробий и достигла новых участков, где над четырехугольными холмиками возвышались скромные деревянные кресты. Дальше похоронные дроги не могли проехать, оба гроба пришлось нести на носилках, пробираясь друг за другом по узким дорожкам.

Монфис на ходу поймал Мегрэ:

— Когда я смогу вас увидеть, господин комис-

сар?

— Где вы остановились?

— В гостинице «Центральная» на бульваре Монпарнас…

— Постараюсь заглянуть к вам до вечера…

— Может быть, мне лучше зайти к вам в кабинет?

— Я не знаю, когда буду там…

И Мегрэ подошел к Берте, которую толпа на миг оттеснила от ее брата.

— Не оставляйте его одного… Он слишком возбужден… Постарайтесь увести его к себе, а я потом зайду навещу его…

Она опустила ресницы в знак согласия. Весь ее облик не вязался с происшедшей трагедией — она была невысокого роста, пухленькая и миловидная.

— Послушайте, господин комиссар…

Мегрэ обернулся к одному из господ, сопровождавших Дандюрана.

— Нельзя ли потолковать с вами минутку-другую? У кладбищенских ворот есть тихое бистро…

К могиле подошел диакон, за ним торопливо поспевал мальчик-певчий, путаясь в черной рясе, из-под которой выглядывали грубые, подбитые гвоздями башмаки. Диакон наклонился над ямой,

пошевелил губами, перевернул несколько страниц в требнике и бросил первую горсть земли. Жерар и кузен Монфис одновременно нагнулись.

Из-за спин стоявших впереди людей Мегрэ не смог разглядеть, кому из них удалось бросить землю первому.

Затем все начали торопливо расходиться. Нуши подошла к комиссару и нагло уставилась на него, словно собиралась просить автограф, как у киноактера.

Когда Мегрэ вошел в бистро у мастерской надгробных памятников, ожидавшие его за столиком господа разом встали.

— Уж вы извините нас за беспокойство… Что вы будете пить? Гарсон!.. То же самое для господина комиссара…

Шарль Дандюран тоже был здесь, гладко выбритый и землисто-серый, как могильные плиты.

— Присядьте, господин комиссар. Мы могли бы прийти к вам на прием, но, быть может, так лучше…

Перед Мегрэ была вся компания крупных притонодержателей, каждый вечер собиравшихся в кафе Альбера, и держались они так же спокойно, как за зеленым сукном стола во время заседаний правления.

— Ваше здоровье!.. Пожалуй, не стоит бродить вокруг да около, перейдем к сути дела. Комиссар Кассье знает нас и может засвидетельствовать, что мы законов не преступаем.

Их роскошная машина стояла у дверей бистро, и мальчишки с восхищением разглядывали ее хромированные части, сверкавшие на солнце.

— Сами понимаете, речь пойдет о бедняге Жюльетте… Вы ведь знаете, под предлогом охраны нравственности закон не защищает интересов тех, кто вкладывает средства в наши заведения. Так что нам приходится самим выпутываться… Старая Жюльетта имела долю по крайней мере в добром десятке заведений, не считая Безье и того, что на улице Антен: они принадлежали ей одной… Месье Шарль подтвердит вам, что вчера мы совещались, как нам дальше быть…

Остальные молчали, важно кивая головами. Месье Шарль сидел, положив на стол бледные волосатые руки.

— Гарсон, еще по рюмке того же!.. Вы, наверно, не знаете, господин комиссар, какую сумму составляет ее доля в чистых деньгах?.. Больше трех тысяч мешков, то есть больше трех миллионов… Нам чужого не надо. Завещания как будто не существует… Месье Шарль не желает иметь

неприятности, и он прав… Так вот, мы хотим знать ваше мнение — как нам поступить… Уже двое заявляли о своих правах на эти деньги. Некий Монфис, с виду ни дать ни взять гробовщик, вы видели его со всем выводком… И затем брат мадемуазель Сесили — Жерар… И тот и другой рвутся к денежкам… Мы не отказываем, но мы хотим знать, кому положено… Вот какое дело… Ведь нельзя же прикрыть такие доходные заведения оттого только…

Говоривший вдруг встал и тронул комиссара за рукав:

— Может, выйдем на минутку?

Он отвел Мегрэ в заднее помещение.

— Верно, ремесло мое не слишком почтенное, но тут уж ничего не поделаешь. Однако я готов поклясться и компаньоны мои подтвердят: месье Шарль закона не преступает… Старухины бумаги исчезли, но мы не станем придираться к тому, что нет документов. Я сказал — три миллиона, а может, там и больше… Будут бумаги или нет, никто ничего не получит, пока вы не подадите нам знака…

— Я доложу начальству, — проронил Мегрэ.

— Одну минуточку… Еще два слова, но теперь пусть мои компаньоны это услышат.

Они вернулись в зал.

— Так вот, господин комиссар!.. Мы решили выделить двадцать тысяч в ваше распоряжение, на розыски того негодяя, который пришил беднягу Жюльетту… Идет? Хватит? Договорились? Месье Шарль вручит вам деньги…

Бывший адвокат решил, что момент подходящий, и вытащил из кармана туго набитый бумажник.

— Нет, не сейчас, — сказал комиссар. — Мне нужно доложить об этом. Гарсон, сколько с меня?.. Нет уж, простите, я плачу сам…

И он рассчитался под недовольное бормотание своего собеседника:

— Как хотите, дело ваше, но так не годится…

Слегка разгоряченный выпитым, Мегрэ вышел из бистро. Не пройдя и десяти шагов, он остановился как вкопанный.

Перед ним вырос Жерар, взвинченный более обычного. Берта, стоявшая рядом с братом, бросила на комиссара красноречивый взгляд, говоривший: я изо всех сил старалась увести его. Но вы сами видите, ничего с ним не поделаешь…

Брат Сесили уже ухитрился где-то выпить, о чем свидетельствовал запах перегара, голос у него срывался, губы дрожали.

— Ну а теперь, господин комиссар, я надеюсь, что вы соблаговолите дать мне кое-какие объяснения…

Гробовщики прямо запарились в этот день. Их уже звали к другим могилам, и на гробу Сесили по-прежнему лежало лишь несколько комьев желтоватой глины.

Глава 2

— Проходите, дружок…

В дверях Мегрэ непроизвольным движением положил руку на округлое плечо Берты Пардон, хотя это отнюдь не входило в его привычки. Пожилые мужчины часто позволяют себе такие жесты, принимая отеческий вид, и обычно на это не обращают внимания.

Но комиссар был, как видно, неловок, потому что девушка с удивлением обернулась и взглянула на смущенное лицо Мегрэ, словно говоря: «И вы тоже!..»

Первым прошел в квартиру ее брат. Только что отсюда удалились служащие похоронного бюро, которых они встретили внизу на лестнице со всем их реквизитом.

Мегрэ собирался переступить порог, когда молодой голос с легким акцентом произнес за его спиной:

— Мне очень нужно поговорить с вами, господин комиссар…

Он узнал Нуши, одетую в черный костюм по случаю похорон. Костюм, сшитый, должно быть, года два-три назад, был ей мал и узок и придавал

девушке еще более вызывающий вид.

— Потом, — возразил он недовольно, не желая проявлять снисходительность к этой наглой девице.

— Имейте в виду, это очень важно!

Мегрэ вошел в квартиру покойной Жюльетты Буанэ и, прикрывая за собой дверь, пробурчал:

— Важно или нет, придется подождать…

Поскольку Жерар здесь, надо с ним все выяснить, а присутствие Берты даже кстати. Квартира старухи более подходящее место для этой беседы, чем кабинет на набережной Орфевр. Уже сама обстановка нервировала Жерара. Он с каким-то страхом оглядывался на стены, с которых только что сняли черные полотнища, и с отвращением вдыхал запах свечей и цветов, приторный запах смерти.

Берта Пардон держалась так же непринужденно, как и за прилавком магазина или за столиком дешевого кафе, где она обычно обедала. От ее по-детски круглого лица веяло безмятежностью и даже самодовольством, что иногда принимают за чистую совесть. Она казалась живым воплощением невинной молодой девушки, которой даже самая мысль о грехе ни разу не коснулась.

— Присаживайтесь, дети мои, — сказал Мегрэ,

вытаскивая из кармана трубку.

Жерар был слишком возбужден, чтобы спокойно сидеть в кресле. В отличие от сестры он был настороже, снедаемый тревожными мыслями, и взгляд его перескакивал с предмета на предмет.

— Признайтесь, что вы подозреваете меня в убийстве тетки и сестры, — произнес он дрожащими губами. — Только потому что я беден, что меня преследуют неудачи!.. Какое вам дело, что вы взволнуете мою беременную жену, которая и без того слаба здоровьем… Вы пользуетесь моим отсутствием, чтобы рыться в квартире… Вы нарочно пошли туда, когда меня не было дома…

— Это верно… — проронил комиссар, разжигая трубку и разглядывая портреты на стенах.

— Ведь ордера на обыск у вас не было! И вы знали, что я бы не допустил этого…

— Да полно, перестань!

Берта сняла горжетку — длинную и узкую куницу, и комиссар заметил, что шея у нее круглая и белая.

— Спросили вы хотя бы у этого лицемера Монфиса, где он находился в ночь, когда было совершено убийство? Уверен, что не спросили. Как же, ведь он не мне чета…

— Я как раз собираюсь сегодня вечером задать

ему этот вопрос…

— Тогда спросите у него заодно, почему это меня и сестер вечно обкрадывали…

Он указал на женский портрет, увеличенную фотографию, от этого немного расплывчатую.

— Это моя мать. Она была похожа на Сесиль… И не только внешне, но и характер у нее был такой же… Да где вам понять… Полная смирения, в постоянном страхе, что всех стесняет, что берет больше, чем ей положено. И эта болезненная потребность вечно жертвовать собой… Вот и бедная сестра была такой же и прожила всю свою жизнь в служанках… Разве не правда, Берта?

— Правда, — подтвердила девушка. — Тетя Жюльетта обращалась с ней как с прислугой.

— Этого комиссару не понять…

Мегрэ сдержал улыбку; ведь его кипевший негодованием собеседник даже не подозревал, что сам комиссар страдал комплексом неполноценности. Это страшно угнетало его, и, желая освободиться от унизительного недостатка, он порой ударялся в другую крайность, держался грубо и вызывающе.

— Мать была старшей из сестер. Ей было двадцать четыре, когда тетка познакомилась с Буанэ. Он был богат. Сестры давно осиротели и жили

в Фонтене на ренту, оставленную родителями. И вот что произошло. Чтобы выйти замуж за Буанэ, тетке нужно было приданое. Она добилась у нашей матери отказа от своей доли наследства. Все в семье это знают, и, если Монфис не бессовестный лжец, он подтвердит вам это. Таким образом, тетке Жюльетте удалось заключить столь выгодный брак только благодаря матери. «Я в скором времени отплачу тебе... Можешь быть спокойна, я этого никогда не забуду. Вот выйду замуж...» Не тут-то было! Выйдя замуж, она сочла, что сестра слишком бедна, чтобы вводить ее в тот круг, куда попала она сама. Мать поступила продавщицей в один из магазинов в Фонтене. Она стала женой приказчика, человека больного, и продолжала работать... Родились мы, и тетка насилу согласилась быть крестной Сесили. Знаете ли вы, сколько она послала ей к первому причастию? Всего сто франков! А ведь муж ее уже владел десятком домов... «Не беспокойся, Эмилия, — писала она матери, — если с тобой что-нибудь случится, я не оставлю твоих детей». Отец умер первым, а вскоре за ним и мать. Тетя Жюльетта к тому времени овдовела и поселилась в этой квартире, но занимала тогда весь этаж. Из Фонтене нас привез кузен Мон-

фис… Ты, Берта, была тогда совсем маленькой и не можешь помнить… «Боже мой, какие они худые! — вскричала тетка, увидев нас. — Можно подумать, что сестра вообще не кормила их…» И пошла критиковать все подряд — и нашу одежду, и белье, и слишком тонкую кожу на башмаках, и то, как нас воспитывали… Сесиль была уже взрослой девушкой, и тетка сразу превратила ее в прислугу. Меня же решили отдать в учение — бедняки должны знать какое-нибудь ремесло. Если мне случалось порвать штаны, попрекам не было конца… Меня корили за неблагодарность, я не хотел ценить того, что делалось для меня и сестер, мне предрекали дурной конец… Сесиль страдала молча. Прислугу уволили, поскольку сестра одна управлялась со всей работой. Хотите взглянуть, как нас одевали?

Он подошел к полке и взял фотографию, изображавшую всех троих: Сесиль в черном, как привык ее видеть Мегрэ, волосы слишком гладко зачесаны назад; пухленькая маленькая Берта была в длинном не по росту платье; Жерар, которому на вид было лет пятнадцать, одет в костюм явно с чужого плеча.

— Я предпочел уйти на военную службу, и мне не присылали из дому даже пяти франков в ме-

сяц… Товарищи получали посылки, сигареты… Всю жизнь я с завистью глядел на других…

— В каком возрасте вы оставили дом тетки? — спросил Мегрэ у девушки.

— В шестнадцать лет, — ответила она. — Я пришла сама в большой магазин. Они спросили, сколько мне лет, я сказала, что восемнадцать…

— На мою свадьбу, — продолжал Жерар, — тетка прислала в подарок серебряную лопаточку для торта… Когда в трудную минуту я решил продать ее, мне дали всего тридцать франков… Сесиль жила впроголодь, а ведь тетка наша была богата… А теперь, когда ее не стало, вы хотите свалить вину на меня… и вы тоже…

На него больно было смотреть, столько скопилось в нем горечи и гнева.

— У вас никогда не возникало желания убить тетку? — спросил Мегрэ с таким спокойствием, что девушка вздрогнула.

— Если я отвечу да, вы сделаете из этого вывод, что я задушил ее?.. И все же я скажу, что не раз у меня появлялось такое желание. К сожалению, я слишком малодушен… А теперь думайте что хотите. Арестуйте меня, если вам угодно: одной несправедливостью больше, подумаешь…

Берта взглянула на ручные часики:

— Я еще нужна вам, господин комиссар?

— Почему вы спрашиваете?

— Уже двенадцать часов… Мой друг ждет меня у магазина.

С каким невинным выражением лица говорила она о своем любовнике!

— У вас есть мой адрес — улица Орденер, дом 22. Я почти всегда дома после семи, кроме тех вечеров, когда мы ходим в кино. Как вы думаете поступить с Жераром? Он ведь всегда был немного взбалмошным… Не обращайте, пожалуйста, на это внимания… Жерар, тебе деньги не нужны? Поцелуй за меня Элен и скажи ей, что я зайду к ней завтра или послезавтра… В магазине мне дали отпуск на три дня…

Она направилась к двери, с порога улыбнулась обоим мужчинам и вышла.

— Вот до чего мы докатились, — заключил Жерар. — Она сошлась с женатым человеком! Ах, если бы наша бедная мать…

— Скажите, с какой целью Сесиль передала вам этот ключ?

— Вы обязательно хотите это знать? Хорошо, я скажу вам. И тем хуже для вас. Она дала мне ключ, потому что полиция не выполняет своих обязанностей! Потому что, когда туда обращают-

ся бедняки, их не хотят даже выслушать! Сесиль не раз приходила к вам, вы не посмеете это отрицать. Она призналась вам, что ей страшно, что в квартире происходит что-то непонятное. А вы? Вы стали над ней насмехаться. Вы дважды присылали какого-то жалкого бригадиришку, и он слонялся перед домом… А когда Сесиль окончательно убедилась в том, что ночью кто-то проникает в гостиную, и явилась к вам, она почувствовала, что все там у вас в полиции смеются над ней… Подумать только, инспектора один за другим нарочно проходили мимо зала ожидания, чтобы поглазеть на нее…

Мегрэ опустил голову.

— И вот тогда она заказала ключ… Она попросила меня…

— Простите! Где вы встречались с сестрой?

— На улице! А когда мне нужно было ее видеть…

— Чтобы попросить у нее денег?

— Вот именно, попросить у нее денег! Можно подумать, вам доставляет удовольствие повторять это! Ей действительно удавалось выкроить для меня несколько франков из денег на хозяйство. Я поджидал ее на углу в тот час, когда она ходила за покупками… Вы это хотели знать?

Пожалуйста!.. А дней десять назад она дала мне этот ключ… Она попросила меня иногда ночью приходить в квартиру, чтобы выяснить наконец, в чем дело.

— Вы приходили?

— Нет… Из-за жены. Врач боится преждевременных родов. Но я пообещал себе прийти после того, как она родит…

— А как бы вы вошли в подъезд?

— Сесиль все предусмотрела. Каждый вечер в семь часов консьержка разносит почту. Она всегда задерживается поболтать у Дезеглизов, которые живут на третьем этаже слева… И вот я должен был проскочить как раз в это время…

— А тетка?

— Ну что ж! Я знаю, мои слова могут обернуться против меня! Это ведь так легко! У тетки болели ноги, и каждый вечер в это самое время ей делали массаж горячим воздухом. Это ей как будто помогало. Сестра использовала электросушилку для волос, такую, как в парикмахерской… Она сильно гудит… Я должен был открыть дверь своим ключом и спрятаться под кроватью в комнате Сесили. Ну, вы удовлетворены?.. А теперь признаюсь, что я голоден и жена ждет меня… Вы и так достаточно напугали ее своим посещением…

Если я сейчас не вернусь, она вообразит невесть что… Или арестуйте меня, или разрешите уйти. Что касается наследства, на которое у нас все права, так мы еще посмотрим…

Он отвернулся, но Мегрэ успел заметить слезы бессильного гнева, сверкнувшие в его глазах.

— Можете идти, — сказал комиссар.

— Неужели? — с иронией спросил молодой человек. — Вы меня пока не арестуете? Вы слишком добры, и я, право, не знаю, как благодарить вас…

Когда Жерар подходил к дверям, ему почудилось, будто он услышал — правда, он не был в этом уверен, — что Мегрэ, пожимая плечами, проговорил:

— Дурачок!

Не иначе как Нуши решила соблазнить комиссара!

Во всяком случае, она делала для этого все возможное, действуя со странной смесью наглости и наивности.

Она даже постаралась, усаживаясь напротив него, задрать юбку так, чтобы были видны ее острые коленки.

— Где вы были в тот вечер? — спросил он хмуро.

— На улице.

— А что вы делали на улице?

— Разговаривала с одним знакомым…

— Вы уверены, что это было накануне преступления?

— Это записано в моем дневнике… Каждый вечер я записываю в дневник, что я делала в течение дня…

Мегрэ подумал, что в смешном дневнике этой беспутной девчонки, верно, найдется кое-что и о нем. Нуши была из тех, кто влюбляется без разбору — в полицейского на перекрестке, в соседа, проходящего мимо каждый день в один и тот же час, в киноактера, которого видела только на экране, или в знаменитого убийцу. А сейчас героем дня стал Мегрэ!

— Я не могу назвать вам имя моего друга, потому что он женат.

Ну и ну! Впрочем, Берта, благоразумная Берта в вишневой шляпке, тоже путается с женатым!

— Так, значит, вы находились на улице, неподалеку от дома… Вы не боялись, что вас увидят родители?

— Родителям нет до этого дела… Они у меня молодцы…

— Вы утверждаете, что видели, как Жерар Пардон вошел в дом…

— Он был одет точно так, как сегодня, в том же плаще и серой шляпе с опущенными полями. Он оглянулся и бросился в подъезд.

— Который был час?

— Семь часов вечера. В этом я уверена: как раз перед ним прошел почтальон с последней почтой.

— Благодарю вас.

— Это важно, да?

— Я еще не знаю.

— Но ведь если брат Сесили был в тот вечер в доме…

— Благодарю вас, мадемуазель…

— У вас больше нет ко мне вопросов?

— На сегодня нет.

Она все не вставала, она еще надеялась…

— Вы можете рассчитывать на мою помощь… Я хорошо знаю дом. Я многое могла бы рассказать вам…

— Благодарю вас.

Она направилась к двери. Проходя, Нуши задела его своим телом, упругим, как натянутая струна.

— Мне не нужно явиться в ваш кабинет и продиктовать свои показания?

— Не раньше, чем получите повестку.

— До свидания, господин комиссар.

— До свидания.

Положив ключ в карман, Мегрэ спустился по лестнице. На тротуаре по-прежнему дежурил инспектор Журдан. Мегрэ знаком приказал ему оставаться на месте и подозвал такси.

Дома на бульваре Ришар-Ленуар жене не удалось за завтраком вытянуть из него ни слова. Положив локти на стол, он крошил хлеб на скатерть, громко чавкал — все это были дурные признаки.

— Но ведь не ваша вина, что эта Сесиль… — рискнула она.

В такие минуты она обращалась к нему на «вы».

Иногда даже называла его «комиссаром». А порой, случалось, даже говорила: «Я спрошу у господина Мегрэ, сможет ли он…»

Заметил ли он хотя бы, что ест чудесный карамельный крем? Едва он вытер губы салфеткой, как рука его уже потянулась к вешалке, где висело пальто, жесткое, как солдатская шинель. По выражению его лица госпожа Мегрэ поняла, что бесполезно спрашивать, когда он будет дома.

— Гостиница «Центральная», бульвар Монпарнас, — буркнул он, усаживаясь в такси.

Это была тихая гостиница, где останавливались провинциалы, наезжавшие в Париж по делам. В вестибюле стоял запах жареной телятины под соусом и сухого печенья.

— Мне нужен господин Монфис…

— Он уже ждет вас в оранжерее.

В гостинице действительно была оранжерея или, вернее, частично застекленное помещение с искусственным гротом, экзотическими растениями и фонтаном. Господин Монфис, по-прежнему в глубоком трауре, с платком в руке, с влажными, воспаленными ноздрями, расположившись в плетеном кресле, курил сигару. Рядом с ним сидел человек, чье лицо показалось Мегрэ знакомым.

— Представляю вам своего адвоката, мэтра Лелу. Отныне мэтр Лелу будет защищать мои интересы в Париже.

В противоположность тощему Монфису Лелу был весьма упитанным; на столе перед ним стоял большой стакан, из которого он потягивал коньяк.

— Добрый день, комиссар… Присаживайтесь… Мой клиент…

— Однако я не знал, что господину Монфису уже требуется адвокат, — прервал его Мегрэ.

— Не адвокат, а поверенный в делах! Ситуация

выглядит и теперь достаточно запутанной, и до тех пор, пока завещание не будет найдено…

— Кто сказал вам, что завещание существует?

— Позвольте, но ведь это очевидно!.. Такая деловая женщина, ведущая денежные операции, как госпожа Буанэ, урожденная Казенов, не могла не подготовить…

В эту минуту в оранжерее появились госпожа Монфис и ее пятеро сыновей, шедшие гуськом по росту.

— Извините нас, — сказала супруга со скорбной, приличествующей случаю улыбкой. — Мы уезжаем, Анри! Мы едва поспеем на вокзал. До свидания, господин комиссар… До свидания, мэтр Лелу… Вы не слишком долго застрянете в Париже, Анри?

Дети по очереди поцеловали отца. Слуга ждал с вещами. Когда семья его удалилась, Анри Монфис налил себе рюмку коньяку, не спрашивая, налил рюмку Мегрэ и заговорил:

— Я счел своим долгом, господин комиссар, и прежде всего долгом в отношении своей семьи, обратиться к юристу, который отныне будет держать с вами контакт, и…

Из носу у него текло, Монфис едва успел вытащить платок из кармана. И тут он с удивлением

увидел, что комиссар встает и берет со стула свой котелок.

— Но куда же вы?

— Я охотно приму мэтра Лелу в своем кабинете, когда он найдет нужным сообщить мне что-либо, — ответил Мегрэ. — Всего хорошего, господа.

Анри Монфис не мог прийти в себя от изумления.

— Да что это с ним? Что на него нашло?

Адвокат, развалившись в плетеном кресле и согревая в пухлой руке рюмку с коньяком, сказал бодрым тоном:

— А вы не обращайте внимания… Уж он такой… Видите ли, эти полицейские не любят иметь дело с законниками. Увидев меня у вас, он почувствовал себя задетым. Можете во всем на меня положиться…

Он замолчал, озабоченно откусывая кончик предложенной ему сигары.

— Можете мне поверить…

Первые выпуски вечерних газет опубликовали снимки похорон. На одном из них был запечатлен Мегрэ у могилы Сесили, рядом с ним виднелась фигура диакона с кропилом в руке.

И Журдан, дежуривший у дома в Бур-ла-Рене, где в окнах уже начал зажигаться свет, и на-

чальник полиции, не знающий, что ответить прокурору и беспрестанно звонивший комиссару из своего кабинета, и госпожа Мегрэ, начищавшая медные кастрюли, были бы немало поражены, увидев сейчас комиссара, который, засунув руки в карманы, с трубкой в зубах и нахмуренным лицом прогуливался по бульвару Монпарнас. Вот он замедлил шаг перед яркими афишами кинотеатра с непрерывной программой и, подойдя к окошку кассы, буркнул:

— Один билет на балкон…

Затем он покорно последовал за девушкой в черном шелковом платье со строгим воротничком, которая повела его по темному залу, освещая путь узким лучом карманного фонарика.

— Простите… Простите, пожалуйста.

Он протискивался между рядами, всем мешая и наступая на ноги сидящим.

Он не знал, какой здесь идет фильм. Слишком громкие и неизвестно откуда идущие голоса наполняли зал, а на экране в это время капитан судна грубо швырял молодую девушку на диванчик в своей каюте.

«А! Ты следишь за мной!..»

«Пощадите, капитан Браун… Если не ради меня, то хотя бы ради…»

— Извините, — произнес чей-то робкий голосок справа от комиссара.

И соседка вытащила из-под Мегрэ полу своего пальто.

Глава 3

Мегрэ согрелся. Он «угрелся», как он говорил, когда был ребенком, и, если бы в зале вдруг зажглись люстры и осветили его, лицо и поза комиссара явили бы собой воплощенное блаженство: он сидел, откинувшись в кресле, полузакрыв глаза, засунув руки в карманы и подняв воротник своего толстого теплого пальто.

На самом деле все это было маленькой хитростью, самообманом, на который он шел в те минуты, когда переутомлялся, напряженно размышляя над одним и тем же, и чувствовал, что его мозг работает вхолостую.

Будь теперь лето, он уселся бы на террасе кафе и, полуприкрыв веки, поджаривался бы на солнышке перед кружкой пива.

Когда на набережной Орфевр провели центральное отопление, а комиссар добился, чтобы в его кабинете оставили старую печку, молодые инспектора только пожимали плечами. Между тем это был все тот же излюбленный прием самообмана. Когда дело не ладилось, когда задача, над разрешением которой он неотступно бился, вдруг лишалась своего реального содержания

и начинала казаться сплетением бессвязных и нелепых обстоятельств, в такие моменты Мегрэ загружал печку углем до отказа, поворачивался к ней то спиной, то грудью, ворошил уголь, открывал заслонку, и мало-помалу тело его охватывала блаженная истома, веки слипались, предметы вокруг принимали туманные очертания, чему, впрочем, немало способствовали густые клубы дыма его неизменной трубки.

В этом состоянии физического оцепенения мысль, словно во сне, улавливала иногда неожиданные соотношения фактов, следуя путями, недоступными логике и разуму…

Госпожа Мегрэ никогда не могла этого понять. Просидев вечер в кино, она трогала мужа за рукав и говорила со вздохом:

— Ты опять все проспал, Мегрэ… Никак не возьму в толк, зачем ты платишь двенадцать франков за жесткое кресло и спишь здесь, когда дома у тебя такая удобная постель…

В зале было темно, его согревало человеческое тепло, здесь трепетала жизнь сотен людей, сидевших бок о бок, но не знавших друг друга. Над их головами протянулся длинный бледный треугольник света, вырывавшийся из кабинки киномеханика, и в нем плыли клубы табачного

дыма.

Если бы у Мегрэ спросили, что за фильм показывают…

Да какое это имело значение!.. Перед ним мелькали отдельные кадры, которые он даже не пытался связать между собой… Затем его взгляд скользнул вбок, привлеченный легким движением в соседнем кресле.

Этот сильный человек, который вот уже тридцать лет варился в водовороте страстей, доведенных до крайности, то есть до преступления, не утратил, однако, своего целомудрия. Он кашлянул, шокированный поведением соседки и ее спутника — он видел только его руку, смутно белевшую в темноте. Между тем, когда он уселся на полу ее пальто, девушка показалась ему совсем молоденькой. Она сидела неподвижно. Ее лицо, смутно белевшее в темноте, как и рука мужчины, как ее обнаженное колено, на котором лежала эта рука, было обращено к экрану.

Комиссар снова смущенно кашлянул.

Парочка не обратила на него внимания. Девушка, должно быть, не старше Нуши…

Кстати, Нуши утверждает, будто видела, как Жерар в семь часов вечера входил в дом в Бурла-Рене… Но так ли это? Ведь она тоже, наверно,

стояла в темноте со своим дружком, прижавшись к стене…

Он услышал звук поцелуя… И ему почудился на миг вкус чужой слюны на губах. Он глубже втянул шею в воротник своего пальто.

Только что Нуши нагло заманивала его. Стоило ему захотеть… Сколько таких вот молоденьких глупых девчонок вешаются на шею пожилым мужчинам, знаменитым или хоть сколько-нибудь известным!

«Пари держу, что дружок этой девицы гораздо старше ее», — решил он, покосившись на соседку.

Вот так он бездумно размышлял, перебирая отрывочные и бессвязные мысли.

Солгала ли молоденькая венгерка по поводу месье Шарля? Вряд ли. Дандюран как раз походил на человека, способного подстеречь девчонку у приоткрытой двери и показывать ей порнографические открытки.

Правда, и сама Нуши могла намеренно его разжигать, а потом позвать на помощь, когда он…

Комиссара тревожило ее заявление, будто она видела, как Жерар Пардон вошел в дом в семь часов вечера, то есть именно в то время, когда госпожа С-вашего-позволения заболталась с Де-

зеглизами и не следила за входной дверью.

Но если ее показания будут зафиксированы официально… Неужели достаточно свидетельства беспутной девчонки, чтобы засадить человека в тюрьму и, может, даже…

Он беспокойно заерзал на месте. Но не только образ Жерара, входящего ранним утром в ворота тюрьмы Санте, вызывал это беспокойство. Он продолжал смотреть на экран. Он хмурился. Вот уже несколько минут он чувствовал в фильме что-то неестественное.

Внезапно он сообразил: губы персонажей шевелились не в такт произносимым звукам. И действительно, актеры говорили по-английски, а зритель слышал французскую речь. Фильм был дублированный.

Парочка около него совсем разошлась, но мысли комиссара уже витали далеко. Эти три дня что-то мешало ему во всем разобраться. Он не отдавал себе в том отчета. И только теперь он понял. Что-то в этом деле неприятно задевало его. Его догадки строились на какой-то посылке, но, на какой именно, он еще не знал.

Полуприкрыв глаза, он видел так же четко, как если бы стоял перед ним, дом-ломоть на Орлеанском шоссе, велосипедный магазин и бакалейную

лавку вдовы Пьешо. Впрочем, вчера он узнал, что на самом деле она не была вдовой. Муж бросил ее ради гулящей девицы, как она выражалась, и она так этого стыдилась, что предпочитала слыть вдовой.

Ну а показания госпожи С-вашего-позволения, которая сидит в душной своей комнате с замотанной шеей и свернутой набок головой?

Она не впускала в эту ночь никого постороннего, и из этого сделали слишком поспешное заключение, будто никто и в самом деле не входил в дом и не выходил из него.

А между тем выяснилось, что в семь часов вечера можно пройти в дом без ведома консьержки. Кто нам докажет, что такая возможность не появлялась в течение суток и в какие-то другие моменты?

На верхнем этаже одержимая манией старуха Жюльетта Буанэ в глубокой тайне принимала Шарля Дандюрана и обсуждала с ним по меньшей мере безнравственное помещение своего капитала. Все это было не слишком чистоплотно, но не противоречило человеческой природе. За годы своей работы Мегрэ не раз сталкивался со многими подобными феноменами.

Да и Дандюранов он встречал немало!

Что же здесь его смущало? Что было неестественным?

Несомненно, старуха была задушена в тот момент, когда, проводив Дандюрана, собиралась лечь в постель.

Она успела снять только один чулок…

Следует ли допустить, что существовал третий ключ и что он находился у месье Шарля? Следует ли предположить далее, что он вернулся в квартиру, чтобы убить старуху?

Но ведь он человек состоятельный. Жюльетта при жизни больше дала бы ему заработать, чем мертвая.

Мог ли это быть кто-либо из его сомнительных компаньонов?.. Но они совсем не новички, не жалкие бродяги, готовые на что угодно, это были люди преуспевающие, имеющие собственные дома и отнюдь не желавшие «влипнуть в грязную историю».

Они были искренни, утверждая, что это дело грозит им неприятностями и наносит урон.

Может быть, Жерар Пардон?

Тут Мегрэ чуть не взорвался: соседи, перейдя все границы, вели себя совершенно бесстыдно, словно были одни в громадном темном зале. Ему хотелось крикнуть: «Да сидите же спокойно, черт

возьми!»

…Допустим, Жерар прятался с семи часов вечера в комнате сестры… Он тайно присутствовал при разговоре между Жюльеттой Буанэ и месье Шарлем. Быть может, он видел пачки денег и решил завладеть ими, как только тетка останется одна…

Допустим! Но в таком случае придется предположить, что, совершив преступление, Жерар оставался в квартире до утра, поскольку консьержка никому дверь в ту ночь не отпирала.

Придется также предположить, что именно на него собиралась донести Сесиль, ожидая Мегрэ в аквариуме на набережной Орфевр…

Значит, в чулан она пошла, следуя за Жераром.

Но откуда же Жерар Пардон, никогда не имевший дела с полицией, мог знать не только об этом чулане, но и о двери, соединявшей криминальную полицию с Дворцом правосудия?

Внезапно Мегрэ почувствовал резкое движение подле себя и увидел, как девушка быстро натянула юбку на колени; на экране появилось слово «конец», вспыхнули все лампы, послышалось шарканье множества ног.

Медленно продвигаясь к выходу вместе со всеми, Мегрэ с любопытством взглянул на соседку

и увидел юное округлое личико, свежее и спокойное, и невинно улыбающиеся глаза. Он не ошибся: ее спутнику было под сорок, и на пальце у него поблескивало обручальное кольцо.

Мегрэ, еще немного оглушенный, оказался на шумном бульваре Монпарнас. Было, должно быть, часов шесть, уже спустились сумерки. Силуэты прохожих быстро сновали мимо освещенных витрин. Ему хотелось пить, он вошел в «Купол», уселся у окна и заказал кружку пива.

Его охватила какая-то лень. Он оттягивал момент неминуемого возвращения к грубой действительности.

По-настоящему ему следовало бы отправиться без промедления на набережную Орфевр, где Люка сражался с поляком.

Но вместо этого он заказал сандвич с ветчиной, взгляд его бесцельно скользил по нескончаемой веренице прохожих. Только что, сидя в кино, он долго, минут пятнадцать, не мог сообразить, что раздражает его в фильме несоответствие между артикуляцией и произносимыми слогами.

Сколько же времени уйдет у него на то, чтобы обнаружить несообразность в посылках дела в Бур-ла-Рене?

Сандвич оказался вкусным. Пиво тоже было

хорошее, и он заказал вторую кружку.

Почти каждый раз, когда он вел расследование какого-нибудь нашумевшего дела, находился хоть один журналист, который помещал в газете статью под традиционным названием: «Методы комиссара Мегрэ».

Ну что ж, пусть он приходит и смотрит, этот репортер. Вот Мегрэ выходит из кино. Он закусывает… Он пьет пиво. Сидя у запотевшего окна кафе «Купол», он смахивал на толстого буржуа-провинциала, обалдевшего от суеты и шума Парижа.

По правде сказать, сейчас он ни о чем не думал. Он находился на бульваре Монпарнас и в то же время витал где-то далеко, ибо повсюду неотступно перед ним стоял все тот же дом, похожий на ломоть торта. Он входил в подъезд. Он выходил из него… Следил за госпожой С-вашего-позволения в ее логове. Он поднимался и спускался по лестнице…

Была задушена старуха домовладелица с крашеными волосами. Это первый факт. Исчезли ее деньги и бумаги. Это второй факт. Восемьсот тысяч франков.

В самом деле… восемьсот тысяч франков в тысячефранковых билетах… Он пытался представить

себе эту кучу ассигнаций.

А Сесиль с восьми утра терпеливо ждала в аквариуме на набережной Орфевр…

Странное дело, ему уже трудно было восстановить в памяти ее лицо, хотя оно было таким привычным и своеобразным. Он вспомнил ее черное пальто, зеленую шляпку и огромную, похожую на чемоданчик, нелепую сумку, которую она всегда таскала с собой…

Но вот Сесиль тоже убита, и сумка исчезла.

И Мегрэ застывал с поднятой кружкой пива, забыв обо всем, что его окружало. Если бы его окликнули в этот момент, он не сразу сообразил бы, где находится.

В чем же все-таки кроется несообразность?

Только не нужно слишком спешить. Только бы не вспугнуть истину, а то ей недолго снова ускользнуть…

Сесиль… Сумка… Чулан…

Задушенная тетка…

Поскольку косящая девушка тоже была задушена, все, и Мегрэ в том числе, пришли к выводу, что оба преступления…

Он вздохнул с облегчением и отпил большой глоток пенистого пива.

Ошибка была в том, черт побери, и из-за этого

он вертелся по кругу, точно слепая манежная лошадь, что он искал одного убийцу.

А вдруг их было двое? Зачем предполагать заранее, что оба преступления совершены одним и тем же человеком?

— «Энтрансижан»... Экстренный выпуск «Энтрансижана»...

Мегрэ купил газету. И невольно нахмурился, увидев на первой полосе снимок, изображавший его самого, более толстым, чем он себе казался, в свирепо зажатых челюстях трубка, рука лежит на плече молодого человека в плаще, и человек этот — Жерар. Он не помнил, как положил руку на плечо брату Сесили. Вероятно, это был машинальный жест.

Но журналист уже сделал из этого свои выводы. Подпись гласила:

> «Чистая случайность? Или, может быть, комиссар Мегрэ опустил свою тяжелую лапу на дрожащее плечо виновного?»

— Какая глупость!.. Гарсон!.. Сколько с меня?..

Он был взбешен и в то же время испытывал удовлетворение. Он вышел из «Купола» более бодрым шагом, чем вошел туда. Такси! Пусть бухгалтер ворчит, пусть уверяет, что на метро

быстрее всего доберешься из одного конца города в другой.

Минут десять спустя он уже окунулся в привычную ему атмосферу, вошел в свой кабинет. Там на краешке стула жался поляк, а в кресле комиссара восседал Люка.

Мегрэ подмигнул ему, и Люка вышел за ним в комнату инспекторов.

— Уже десять часов мы с Жанвье допрашиваем его. До сих пор он держался, но, кажется, начинает поддаваться… Если чутье мне не изменяет, к рассвету он расколется.

Не впервой приходилось им брать человека измором!

— Вот если бы вы заглянули к нам часам к двум-трем утра и нажали на него в последний раз…

— Мне некогда, — проворчал Мегрэ.

Скоро здание опустеет. Только одна лампочка будет гореть в большом пыльном коридоре, и останется только дежурный у телефона. А в кабинете Мегрэ по-прежнему будет сидеть поляк перед упорным, непреклонным Люка, которого придет подменить Жанвье, чтобы тот сбегал перекусить и пропустить кружку в пивной на площади Дофина.

— Мне никто не звонил?

— Какой-то Дандюран…

— Он ничего не просил передать?

— Что он будет сидеть дома… У него для вас есть интересная новость…

— Никто не приходил?

— Не знаю… Надо спросить у служителя…

— Вас спрашивал молодой человек в плаще с траурной повязкой. Он был очень взволнован… Спросил, когда вы придете. Я ответил, что не знаю… Он хотел узнать ваш домашний адрес, но я не дал…

— Жерар Пардон?

— Что-то вроде этого… Он не пожелал заполнить карточку…

— Давно он приходил?

— Да с полчаса назад…

— У него в руках или в кармане была газета, — сказал комиссар к большому удивлению служителя.

— Верно… Он держал в руках смятый номер «Энтрансижана»!

Мегрэ снова зашел в инспекторскую:

— Кто сейчас свободен?.. Торранс?

— Я собираюсь в Бур-ла-Рен, шеф…

— Не стоит… Пойдешь на улицу Па-де-ла-Мюль, в дом двадцать два. Ты видел этого парня?

— Брата Сесили? Ну да, в Бур-ла-Рене…

— Хорошо! Пойдешь к нему, надеюсь, он вернулся домой… Если ты застанешь его, постарайся не спускать с него глаз. Чтобы он не наделал глупостей, понятно? Будь с ним помягче. Не пугай его, наоборот, попытайся успокоить…

— А если он не вернулся?

Лицо Мегрэ омрачилось. Он бессильно пожал плечами:

— Ну, если его нет… Тогда придется ждать звонка от речной спасательной команды, если только он не раздобыл револьвер… Постой! В любом случае позвони мне… Подожди… У кого в этом доме может быть телефон? Наверняка у Дандюрана. Позвони мне к Шарлю Дандюрану… Номер найдешь в телефонной книге. До скорого, старина…

Он на минуту вернулся в свой кабинет, медленно оглядел поляка с головы до ног, как бы проверяя его моральное состояние. Выходя, он подмигнул Люка, который продолжал допрос. Взгляд комиссара означал: «Готов!»

Такси доставило его на Орлеанское шоссе, и он сошел у дома, очертания которого уже стали ему привычны. Кто дежурит? Он огляделся. Из темноты выступила фигура:

— Я здесь, шеф…

Это был Вердюре, новичок, славный парнишка, который робел перед комиссаром до заикания.

— Ничего нового?

— Жилец с пятого этажа, месье Шарль, вернулся на трамвае в шесть часов. В подъезде его ждал низенький толстяк в сером макинтоше с портфелем под мышкой.

После легкого раздумья Мегрэ вспомнил. Без сомнения, это был мэтр Лелу, адвокат Монфиса.

— Долго он у него сидел?

— С полчаса… Около пяти вышел из дому венгр и еще не вернулся… Ну а дочь его…

Молодой инспектор показал два силуэта, еле различимые в темноте у забора, окружавшего пустырь.

— Это продолжается почти час… — вздохнул он. — И хоть бы пошевелились.

Мегрэ слегка покраснел и вошел в дом. Проходя мимо, он поздоровался с госпожой Бенуа, сидящей перед тарелкой супа, и стал грузно подниматься на пятый этаж. Вероятно, месье Шарль узнал его шаги, потому что отворил дверь раньше, чем комиссар успел позвонить.

— Я ждал вас… Зайдите, пожалуйста… После вашего разговора с моими друзьями сегодня утром…

Комиссар никак не мог привыкнуть к затхлому воздуху этого холостяцкого жилища. Царившая в квартире атмосфера вызывала у него непреодолимое отвращение, и он безостановочно курил, выпуская густые клубы дыма.

— С какой целью вас посетил мэтр Лелу?

— Вы уже знаете? Он грозился подать в суд по поводу присвоения наследства… Убежден, что Жюльетта оставила завещание. Он исходит из ее новогодних поздравительных писем кузену Монфису… Вы должны потребовать, чтобы он вам их передал. Она называет своих племянников дегенератами и бездельниками… Они, мол, неблагодарные, и после всего, что она сделала для них в память о сестре, они только о ее деньгах и помышляют… «Вот уж глупый вид у них будет, — заключает она, — так же как и у всех Буанэ и Маршепье, когда они узнают, что я оставлю вам все, что имею…»

— Мэтр Лелу ограничился угрозами?

Бледная улыбка тронула бесцветные губы месье Шарля.

— Он сделал мне, по его собственному выражению, честные и великодушные предложения…

— Барыш пополам?

— Примерно так… И это составило бы немалую

сумму, если бы завещание существовало… — Господин Дандюран хрустнул пальцами. — Однако эти люди не знали Жюльетту… По правде говоря, только мне одному довелось увидеть ее в настоящем свете. Она так боялась смерти, так боялась расстаться со своими деньгами, что почти убедила себя, будто никогда не умрет… Во всяком случае, очень не скоро… Она часто повторяла: «Когда я состарюсь…»

При всем своем отвращении к этому человеку Мегрэ чувствовал, что тот не лжет. И хотя сам видел только труп с крашеными волосами, его впечатление полностью совпадало со словами месье Шарля.

— Так что же?

— Я выставил мэтра Лелу за дверь. Впрочем, я звонил вам по другому поводу. Я отлично сознаю двусмысленность своего положения и понимаю, что в моих интересах, чтобы вы скорее разыскали убийцу.

— Или убийц, — проворчал Мегрэ, разглядывая акварель, висевшую на стене.

— Или убийц… Как вам угодно! Ведь и правда их могло быть несколько…

— Во всяком случае, есть два трупа, а значит, и два преступления…

Мегрэ медленно раскурил трубку.

— Это в теории... Я говорил вам, что после вашего ухода я вспомнил...

Дандюран взял со стола записную книжку в клеенчатой обложке.

— Я ведь недаром столько лет был адвокатом. У меня выработались даже кое-какие профессиональные причуды. Всякий раз, когда я вручал Жюльетте проценты с ее капиталовложений, я записывал номера купюр. Возможно, это нелепая привычка, но при нынешних обстоятельствах она может послужить вам.

В записной книжке Мегрэ увидел множество цифр.

— Досуга у меня, как вы знаете, было больше чем достаточно...

Мегрэ прекрасно представлял себе, как Дандюран сидит в своем кабинете, где пахнет раздавленными клопами, и с холодным удовлетворением переписывает колонки цифр. Пусть это были чужие деньги! Ему все равно доставляло наслаждение пересчитывать их, записывать номера, раскладывать по пачкам и скреплять пачки резинкой.

— Как видите, — заключил Дандюран, протягивая комиссару записную книжку, — если вы

получите премиальные от моих друзей, то тут не обойдется без моей помощи…

Они услышали, как Нуши поднималась по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, и замерла на миг у двери адвоката. Вела ли она себя в кино так же непристойно, как та миловидная девушка?

Впрочем, что за дело комиссару до слов и поступков этой девчонки?

— Вот и все! Поджидая вас, я не пошел, как обычно, в ресторан обедать и удовольствовался холодной котлетой. Вы уже поели? Надеюсь, вы согласитесь пропустить рюмочку?

— Нет, благодарю вас…

— Когда-нибудь вы убедитесь, что я сделал все возможное… Пожалуйста, как вам угодно…

Мегрэ открыл дверь, даже не предупреждая о своем уходе, и в квартиру ворвались бурные волны музыки.

Видимо, старая мадемуазель Поко отводила душу после опостылевших ей гамм учениц.

Глава 4

Однажды госпожа Мегрэ, задумчиво оглядывая мужа, вдруг вздохнула и спросила его с почти комической наивностью:

— Не возьму в толк, как это тебе за всю жизнь досталось так мало оплеух…

Она сказала это от чистого сердца. Бывали моменты, когда даже с ней Мегрэ вел себя с неслыханной наглостью, и, вероятно, одна только жена знала, что действовал он безотчетно. И наглость его заключалась не в дерзкой усмешке или ироническом взгляде. Она не ощущалась ни в чем конкретно и одновременно чувствовалась во всем его поведении. Перед вами высилась неприступная каменная глыба, и сколько бы вы ни говорили и ни горячились, она продолжала жить своей непонятной внутренней жизнью. Слышит ли комиссар, о чем вы ему толкуете? Видят ли вас его глаза, или он смотрит на стену за вашей головой? Внезапно он перебивал вас на середине фразы, и то, что он говорил, не имело ни малейшей связи с вашими речами.

Так и сейчас. Шарль Дандюран продолжал говорить, а в полуоткрытую дверь уже ворва-

лись звуки пианино, и Мегрэ застыл, словно завороженный музыкой. Сколько времени он не прислушивался к разговору? Какой путь успел мысленно проделать его ум за эти короткие мгновения? Неожиданно он спросил:

— Я полагаю, у вас есть телефон?

— Да… Конечно…

Заметил ли он хотя бы, что Дандюран стоит перед ним, ожидая, когда сможет запереть дверь? Комиссар неуверенно начал:

— Я бы хотел…

Хотя он и поступал безо всякого умысла, однако подобным поведением не раз сбивал с толку многих людей, не одного лишь бывшего адвоката. Чего он добивался? Что еще придумал? Пустяк или что-то серьезное? Нельзя было угадать, глядя, как он хмурит лохматые брови и качает головой. Наконец он буркнул:

— Я забыл вас предупредить… Я оставил ваш адрес на случай, если понадобится позвонить мне по телефону… А пока я попрошу вас подняться вместе со мной… Мы ведь сверху услышим звонок?

— Вы позволите мне взять ключ?

На площадке шестого этажа комиссар остановился:

— Итак, вы заявили, что было несколько минут первого. Вы пришли к ней в домашних туфлях?

Он посмотрел на ноги месье Шарля, обутые в кожаные коричневые шлепанцы.

— Надо полагать, вы не имели привычки звонить?

— Жюльетта ожидала за дверью… Мне даже стучать не нужно было…

— Так! Войдемте. В передней горел свет?

— Нет… Свет шел из гостиной, дверь была полуоткрыта…

— Минутку! Я зажгу в гостиной…

— Только не эту лампу, господин комиссар. Тот ночник на круглом столике…

Месье Шарль хоть и чувствовал себя задетым, но внешне без тени тревоги принял участие в игре. Всем своим поведением он словно хотел сказать: «Как видите, ваш трюк не пугает меня. Мне нечего бояться, нечего скрывать. Наоборот! Так же как вы, я стремлюсь узнать истину. Если вам нужно восстановить все в деталях, пожалуйста, я готов помочь…»

Вслух он сказал:

— Хочу отметить, что на мне был тот же костюм, что и сегодня, на шее было белое кашне… В руках… нет, во внутреннем правом кармане

пиджака у меня лежал конверт, содержавший…

— Погодите… Если не возражаете, мы сначала наведем в этой комнате прежний порядок. Вы, вероятно, знаете, где стояла мебель, где находилась каждая безделушка…

Оба они сохраняли полную серьезность, и месье Шарль с ироническим усердием старался припомнить точное место каждого кресла, отступая назад, чтобы проверить себя.

— Вот! Все стояло примерно так.

— Один вопрос. Открывая вам дверь, госпожа Буанэ опиралась, наверно, на свою палку?

— Да, без палки она едва могла передвигаться.

— Можете ли вы описать мне, как она была одета?

— Это нетрудно. Поверх ночной рубашки она накинула зеленый бумазейный халат. Чулки, как я заметил, собрались гармошкой вокруг щиколоток.

— Оба чулка?

— Да, оба… Обычно она носила два чулка, если именно это вас интересует… На ней были шлепанцы на войлочной подошве. Жюльетта отнюдь не грешила кокетством… По-моему, она даже находила какое-то удовлетворение в том, чтобы показываться в самом неприглядном виде, а в эту

ночь она явилась непричесанной, лицо блестело от крема, под глазами мешки…

— Вы не заметили никакого другого источника света в квартире и утверждаете, что не выходили из этой комнаты?

— Да, утверждаю.

— Где сидела госпожа Буанэ?

— Она села перед секретером и открыла его. Она знала, что я пришел отчитаться перед ней.

— Минутку… Откуда она взяла ключ, чтобы открыть секретер?

На этот раз бывший адвокат чуть заколебался:

— Я… В общем, я не помню… Думаю, что она держала ключ в кармане халата…

— Скажите, господин Дандюран… Если она открыла секретер, ожидая от вас отчета, значит, она держала там деловые бумаги…

— По-видимому…

Месье Шарль размышлял, он стал еще серьезнее.

— Пожалуй, вы правы… Признаюсь, я об этом не подумал…

— О чем вы беседовали все это время?

— Мы никогда много не разговаривали… Помнится, я сказал, что, как видно, простудился в городе и потому пришел в кашне… Я сообщил

ей также, что мне, вероятно, придется съездить в Безье.

Мегрэ окинул комнату взглядом и задал совсем неожиданный вопрос:

— Все ли часы ходили в тот вечер?

Комиссар заметил, что некоторые часы остановились, и машинально подошел и подтянул гири. Стрелки показывали разное время.

— Право, я не обратил внимания… Ну какое это могло иметь значение?

— Заметьте, господин Дандюран, что, хотя целых три этажа отделяют нас от квартиры мадемуазель Поко, звуки ее пианино слышны здесь почти так же четко, как у вас… Слышимость превосходная. Это меня успокаивает — если мне позвонят по телефону, мы обязательно услышим… Продолжаем. Вы сидели на том же месте, что и сегодня? Итак, вы протянули ей конверт, в котором находилось…

— Пятьдесят две тысячи франков… Трехмесячная прибыль от заведения на улице Антен…

— Она пересчитала ассигнации?

— Она всегда их пересчитывала…

— Знала ли она, что вы записываете номера?

— Я никогда не говорил ей об этом… Пока она скрепляла тысячефранковые билеты в пачки по

десять штук, я сказал ей, что вот уже несколько недель из Безье не отвечают на наши письма. Наш тамошний управляющий…

Он взглянул на Мегрэ, он был убежден, что тот его не слушает. Ему показалось даже, что комиссар вообще не придает никакого значения тому, что он говорит. Он курил трубку, разглядывал семейные портреты, особенно снимок троих детей; затем его взгляд задержался на фотографии, единственной в своем жанре в этой квартире и изображавшей пышную молодую женщину лет тридцати, с высокой грудью и вызывающим взглядом, настоящую красавицу. Эта женщина была Жюльетта.

— Продолжайте, господин Дандюран…

— В таких делах контроль затруднен, почти невозможен. Я уже говорил вам, что в случае каких-либо нарушений мы не можем обращаться к услугам правосудия. Это и объяснит вам…

Мегрэ распахнул дверь в столовую и снова закрыл.

— Продолжайте, продолжайте… Не обращайте на меня внимания.

На этот раз, в то время пока Дандюран неуверенным голосом продолжал свой рассказ, комиссар просто-напросто вышел из гостиной.

— Я предложил, что я сам поеду в Безье и лично опрошу обитательниц дома, поскольку нет иного способа выяснить среднюю выручку.

— Продолжайте! — приказал издали комиссар.

— Как вам угодно… Помнится, я заметил, что один только плохой сезон не может объяснить такое резкое падение выручки, которая снизилась на две трети по сравнению с предыдущим месяцем…

Комиссар наконец появился на пороге, с любопытством разглядывая месье Шарля. Казалось, он спрашивал себя: «Что делает тут этот тип? И почему он сам с собой разговаривает?»

— Скажите-ка… Когда вы таким образом беседовали, вы не слыхали какого-либо шума в квартире? Вы говорили так же громко, как сегодня?

— Мы говорили совсем тихо… Жюльетта всегда боялась, что, несмотря на снотворное, племянница может проснуться. Кроме того, она опасалась соседей-венгров, целый день она слышала их крики и ссоры. Она уже несколько месяцев пыталась их выселить, но они всеми способами старались удержаться здесь.

— Что же она сделала с пятьюдесятью двумя тысячами?

— Она держала деньги в руке, когда провожала меня до двери…

— В конверте?

— Насколько я помню, она вложила их обратно в конверт…

— Это был обыкновенный конверт?

— Использованный конверт, который я взял у себя на столе. Погодите… Он был желтый. Какую корреспонденцию я получал в этот день? Да!.. Я почти уверен, что это был конверт Лионского кредитного банка с моим адресом, отпечатанным на машинке…

— Вы больше не видели этот конверт?

— Никогда.

В его голосе невольно прозвучала легкая ирония. Уж не думал ли Мегрэ смутить его подобной чепухой?

— Разрешите, я закурю, господин комиссар?

— Да, кстати, ведь вы курили, посещая Жюльетту?

— Частенько…

— Что именно вы курили?

— Приходится признать, что вы лучше осведомлены, чем я ожидал, и если бы совесть моя была нечиста… Откуда вам это известно? Ведь вы никогда не встречались с Жюльеттой при жизни,

не так ли?

Хоть он и не был обеспокоен, но явно был заинтригован.

— В комнате нет пепельницы, и я уверен, что ни разу не оставил окурка. А пепел…

Он нервно засмеялся.

— Признаюсь, это непостижимо, господин комиссар. Я сейчас вам объясню, и вы поймете мое удивление. Однажды, очень давно, я явился сюда с трубкой, а Жюльетта, имевшая на этот счет свое мнение, заявила, что курить трубку в присутствии женщины неприлично. Однако иногда нам приходилось работать ночами по нескольку часов подряд… Тогда я стал приносить с собой сигареты. А чтобы не оставлять следов, я клал бумажку вот сюда, на угол стола, она заменяла мне пепельницу, и, уходя, уносил ее с собой.

Мегрэ по-прежнему смотрел на него ничего не выражающим взглядом.

— Но то, что вы об этом узнали, просто невероятно… Разве только…

— Разве только?.. — повторил комиссар.

— Разве только кто-то прятался в квартире и следил за нашими беседами и поступками… Да еще нужно, чтобы этот кто-то мог снестись с вами и сообщить вам все это…

— Какое это имеет значение? Когда Жюльетта Буанэ проводила вас до двери, в руках у нее было пятьдесят две ассигнации. А конверт послужил вам пепельницей, и вы унесли его с собой. Жюльетта, вероятно, заперлась на ключ?

— И вдобавок задвинула засов…

— Вы пошли прямо к себе? Вы никого не встретили? И ничего не слышали? Вы не знаете, сразу ли легла ваша старая приятельница?

— Право, не знаю…

Они прислушались. Настойчивый звонок донесся до них, и Мегрэ, чертыхнувшись, сорвался с места:

— Вы позволите? Это, наверно, телефонный звонок, которого я жду.

Дверь на пятом этаже была только притворена, свет не был потушен. Телефон стоял на столе.

— Алло!.. Торранс?

— Это вы, шеф?.. Я все еще на улице Па-де-ла-Мюль.

— Что с Жераром?

— Я его так и не видел… Послушайте… Это не так-то просто. Не знаю, стоит ли все это рассказывать по телефону.

— Подожди минуту.

Вероятно, инспектор ломал себе голову, почему

ему велено молчать. Но в этот момент Мегрэ услышал шаги как раз над своей головой. Он сообразил, что ходят в спальне Жюльетты Буанэ. Шаги раздавались очень четко. Хотя месье Шарль был в мягких туфлях и старался действовать осторожно, сюда доносился каждый его шаг.

Значит, сидя в своей квартире, бывший стряпчий мог слышать все, что происходило в квартире на шестом этаже.

— Алло!.. Вы слушаете, шеф?

— Помолчи.

— Трубку не вешать?

— Помолчи, говорю…

И вдруг, положив трубку на стол, он бросился на лестницу. Когда он вбежал в квартиру госпожи Буанэ, месье Шарль был уже на пороге гостиной, невозмутимый, но мрачный.

— Ну как, поговорили по телефону?

— Я еще не закончил разговора. Я попросил бы вас сойти вниз…

— Простите… Я боялся вам помешать.

Мегрэ показалось, что на этот раз в холодном взгляде Дандюрана мелькнула досада, а может быть, и тревога.

— Я иду за вами, господин комиссар… Если бы я знал, что…

— Будьте добры пройти вперед.

— Куда мы идём?

— В ваш кабинет. Закройте дверь. Стойте. Вам не трудно положить руки на стол?

Он взял трубку:

— Я слушаю тебя.

— Я думал, нас разъединили. Так вот, шеф… Придя на место, я узнал у консьержки, что Жерар Пардон не возвращался, но что жена его дома… Я стоял в трех метрах от двери. Пошел дождь…

— Ладно, это не важно…

— Я насквозь промок… Но не решался добежать до кафе на углу, чтобы выпить чего-нибудь… Прошло несколько часов. Минут пятнадцать назад, не больше, в такси подъехала молодая особа. Она казалась сильно взволнованной. По красной шляпке я узнал сестру Жерара, мадемуазель Берту, которую вы мне показывали…

— Ну а потом?

Докладывая, молодой инспектор не подозревал, что комиссар слушает его вполуха, а сам в это время ощупывает взглядом месье Шарля. А бывший законник с подчеркнутой неловкостью держал на столе руки, положив их вниз ладонями.

Что же он делал там наверху? Ведь после смерти Жюльетты он в первый раз оказался один в

ее квартире.

— Продолжай, я слушаю…

— У меня не было инструкций. Девушка поднялась наверх. Несколько минут спустя, боясь, не принесла ли она дурных вестей, я тоже поднялся наверх. Я постучался. Берта открыла мне дверь. Передней у них нет. На кухне рыдала госпожа Пардон. Она посмотрела на меня безумными глазами и крикнула: «Он умер?»

Лицо Мегрэ выразило сильное удивление. Месье Шарль нахмурился.

— Ну а потом?

— Клянусь вам, шеф, я растерялся… Я спросил у девушки, что она думает предпринять. Она заявила, что все мы сволочи и что, если с братом случится беда, мы будем нести за это ответственность. Одна рыдала, другая бранилась… И ничего толком я не мог от них добиться!.. Наконец я кое-как понял, что Жерар приходил к сестре. Он был вне себя. Он требовал денег немедленно… Она старалась его успокоить, узнать, на что ему нужны деньги. Он ответил с саркастическим смехом: «Завтра узнаешь из газет. Ради Бога, дай все, что у тебя есть!» Она дала ему сто тридцать франков, оставив себе лишь десять. Он бросился на улицу. Она пыталась следовать за ним, но он

на ходу вскочил в автобус… Не знаю, что теперь делать, шеф… Я ушел от них, чтобы позвонить вам. Вернуться к ним? Жена Жерара уверяет, что он покончит с собой. А я…

— Ладно! — отрезал Мегрэ.

— Так что же мне делать?

Но комиссар уже повесил трубку и без всякого перехода приказал месье Шарлю:

— Выньте все из карманов.

— Я…

— Выньте все из карманов!

— Как вам угодно…

Дандюран повиновался и начал медленно выкладывать на стол различные предметы: старый бумажник, ключ, перочинный нож, весьма сомнительной чистоты платок, бумаги, коробочку с пилюлями от кашля, кисет, трубку, коробку спичек.

— Выверните карманы… Снимите пиджак.

— Угодно ли вам, чтобы я совсем разделся?

Госпожа Мегрэ могла бы повторить, лишь чуть-чуть видоизменив, фразу, которую она говорила мужу: «Не возьму в толк, как это тебе удалось удержаться и не влепить ему оплеуху?»

И действительно, из них двоих месье Шарль вел себя спокойнее и сдержаннее, но в самой этой

холодной сдержанности чувствовалась скрытая наглость. Он снял пиджак, манжеты рубашки были заношенные и потертые.

Затем снял жилет, под которым оказались такие же потрепанные подтяжки. Кальсоны выглядывали из брюк.

— Раздеваться дальше?

Комиссар с трудом сдерживался, оплеухи тут мало, заехать бы кулаком в физиономию!

— Желаете ли вы, чтобы я разулся?

— Да.

Мегрэ заметил дырку на одном носке, но в шлепанцах не было запрятано ни клочка бумаги.

— Обращаю ваше внимание, господин комиссар, что сейчас одиннадцать часов вечера и что, если бы вы явились в такое время, даже предъявив должным образом оформленный ордер на обыск, я имел бы полное право выставить вас за дверь… Разумеется, об этом нет и речи, и я говорю это, только желая подчеркнуть, до какой степени я…

— Сядьте.

Комиссар стал набирать номер.

— Пожалуйста, пожалуйста, — с иронией проговорил бывший адвокат.

— Алло! Позовите, пожалуйста, Люка. Это ты?

Все еще никаких результатов? Придется тебе продолжать, старина. Нет, мне некогда. Кто там есть? Берже?.. Ладно… Пусть он берет быстренько такси и едет в Бур-ла-Рен… Да, да. Пятый этаж. Спасибо. Удачи тебе…

Он повесил трубку и застыл, упершись взглядом в стол.

— Если вы намерены еще долго оставаться здесь, мы могли бы выпить по рюмочке!

Выразительный взгляд Мегрэ заставил его замолчать. Прошло десять минут, четверть часа. По шоссе мимо дома проносились машины. Пианино замолкло.

Дом погрузился в сон.

Наконец внизу хлопнула дверь, и кто-то стал подниматься по лестнице.

— Входи, Берже…

Видно, дождь лил как из ведра: шляпа и плечи инспектора промокли насквозь, хоть он и ехал в такси.

— Познакомься с месье Шарлем… Он немного нервничает сегодня, и я опасаюсь, как бы он не наделал глупостей. Я обратил его внимание на то, что мы не совсем законно вторглись в его квартиру сегодня ночью, но он уверяет, будто ему все равно! Оставляю тебя с ним. Он может лечь

спать, если пожелает, и в таком случае ты будешь опекать его, словно больного дядюшку. Понятно?.. Конечно, завтра утром я буду здесь… Если я задержусь, наберись терпения и не выпускай его, а то он еще схватит насморк…

Он застегнул пальто и большим пальцем примял табак в трубке.

— И не увлекайся его коньяком… По-моему, он неважного качества…

Мегрэ взял со стола бумажник Дандюрана и бумаги, вынутые адвокатом из карманов.

— Ты отпустил такси?

— Да, шеф…

— Ну ничего… Спокойной ночи.

И он оставил их вдвоем. Одно мгновение он колебался — не подняться ли на шестой этаж? Но к чему? Дандюран был не из тех, кто оставляет следы.

Внизу в подъезде он встретил госпожу С-вашего-позволения в ночном облачении, скособоченную больше, чем когда-либо.

— Что происходит, господин комиссар? В доме обнаружилось еще одно преступление?..

Он не слушал. Ее невнятная речь едва коснулась его слуха, и он машинально ответил:

— Может быть… Откройте, пожалуйста,

дверь...

Часть третья

Глава 1

Утром дождь моросил по-прежнему, серенький, скучный и смиренный, как вдовство. Не заметно было, как он идет, он почти не чувствовался, хотя покрыл все вокруг холодным блестящим лаком, а на поверхности Сены плясали миллиарды пузырьков. В девять часов утра все еще казалось, будто спешишь на самый ранний поезд, кругом царила тьма, день словно не решался прийти на смену ночи, и на улицах горели газовые фонари.

Поднимаясь по лестнице в здании криминальной полиции, Мегрэ невольно бросал взгляд в аквариум, и каждый раз ему казалось, что он снова увидит Сесиль на том же стуле, где он видел ее в последний раз, безмолвную и покорную. Почему же сегодня утром неожиданное подозрение закралось в его голову? Верно, потому, что, когда он, еще не вполне очнувшийся ото сна, шел по улице, стараясь держаться подальше от водяных струй, льющихся с карнизов, в его уме возникло смутное воспоминание о соседке в кино, затем о Нуши, о месье Шарле… И вот, входя под своды криминальной полиции, он вдруг спросил себя, не было ли чего-нибудь между Сесилью и госпо-

дином Дандюраном?..

Подобное предположение ни на чем не основывалось.

Оно смущало его. Оно оскверняло память о девушке, и все-таки комиссар не раз к нему возвращался.

У дверей его кабинета служитель преградил ему путь.

— Не входите. В кабинете посетитель. Но начальник просил, чтобы вы сначала зашли к нему…

— У меня в кабинете? — переспросил Мегрэ.

Минуту спустя он постучался к начальнику.

— Входите, Мегрэ… Ну как, дело идет на лад? Послушайте-ка, я взял на себя смелость посадить к вам в кабинет посетителя. Я не знал, что с ним делать. Кстати, это именно вас касается. Прочтите…

Мегрэ, словно не понимая, читал визитную карточку, которая гласила:

> «Жан Теншан, начальник канцелярии министра иностранных дел, просит господина директора криминальной полиции оказать содействие г-ну Спенсеру Отсу из Института криминалистики в

Филадельфии, которого нам весьма рекомендует посольство США».

— Что ему нужно?

— Изучить ваш метод…

Начальник не мог удержаться от смеха, когда Мегрэ вышел от него, подняв плечи и сжав кулаки, словно собирался задать трепку американскому криминалисту.

— Я счастлив, господин комиссар…

— Одну минуту, господин Спенсер… Алло! Дежурный? Говорит Мегрэ… Ничего нет для меня? Его так и не разыскали?.. Дайте мне девятнадцатый в Бур-ла-Рене…

У американца славное лицо. Высокий малый, похож на студента, рыжеватый, тонкие черты, одет в приличный, хорошо сшитый костюм, говорит с легким и довольно приятным акцентом.

— Это ты, Берже? Ну как?

— Да ничего, шеф… Он проспал одетым на диване… Но жрать хочется, а в квартире ни крошки. Не решаюсь спуститься и купить булочек. Вы скоро придете?.. Нет, он ведет себя благоразумно. Сказал даже, что не сердится на вас и на вашем месте действовал бы так же и что вы скоро убедитесь в своей ошибке…

Мегрэ положил трубку и подошел к жарко горевшей печке, вид которой удивил американца.

— Чем могу служить вам, господин Спенсер?

Он назвал его по имени, потому что не имел ни малейшего представления, как произносится фамилия гостя.

— Прежде всего, господин комиссар, меня очень интересуют ваши идеи относительно психологии преступников…

Мегрэ тем временем вскрывал письма, лежавшие у него на столе.

— Каких преступников? — спросил он, читая письмо.

— Ну… преступников вообще…

— До или после?

— Что вы хотите сказать?

Мегрэ курил трубку, просматривал письма, грел спину и, казалось, не придавал ни малейшего значения этому бессвязному разговору.

— Я спрашиваю, имеете ли вы в виду преступников до или после совершенного ими преступления, ибо до него они еще не преступники… В течение тридцати, сорока, пятидесяти лет, а то и больше, они ничем не отличаются от прочих, верно?

— Да, конечно…

Мегрэ поднял наконец на него взгляд и с лукавой искоркой в глазах проговорил:

— Почему вы думаете, господин Спенсер, что их психология сразу изменится, как только они убьют кого-нибудь из себе подобных?

Он подошел к окну и стал разглядывать пузырьки дождя на Сене.

— Это приведет нас к утверждению, — заключил американец, — что преступники такие же люди, как все прочие?

В дверь постучали. Вошел Люка с папкой в руках.

Увидев посетителя, он попятился было назад.

— Что такое, старина?.. Ага! Ну что ж, отнеси дело в прокуратуру… Надеюсь, «Аркады» все время под наблюдением?

Они обменялись несколькими фразами по поводу поляков, но Мегрэ не потерял нить своих мыслей.

— По какой причине человек совершает преступление, господин Спенсер? Из ревности, жадности, ненависти, зависти, значительно реже из-за нужды… Короче говоря, его толкает на это одна из человеческих страстей. А между тем каждому из нас они свойственны в той или иной степени. Я ненавижу соседа, который в летние

вечера распахивает свое окно и трубит в охотничий рог… Скорей всего, я его не убью… Но вот с месяц назад человек, проживший много лет в колониях, измученный тропической лихорадкой и потому менее терпеливый, чем я, выстрелил из револьвера в своего одноногого соседа с верхнего этажа, потому что тот имел привычку ходить всю ночь по квартире, стуча протезом по полу.

— Я понимаю вашу мысль… Ну а как с психологией преступника после?

— Это меня уже не касается. Это дело присяжных и начальника тюрьмы и каторги… Моя роль — обнаруживать виновных… Поэтому меня интересует только их психология до… Мне нужно знать, способен ли данный человек совершить данное преступление и когда и как он его совершил…

— Начальник криминальной полиции дал мне понять, что, может быть, вы позволите мне присутствовать…

Что ж, не он первый! Пусть потом не жалуется!

— Я знаю, что вы ведете расследование в Бур-ла-Рене, и я внимательно прочитал все, что пишут в газетах об этом деле… Вы уже знаете виновного?

— Во всяком случае, я знаю одного, кто ни в чем не виновен, и тем не менее… Я в свою очередь

задам вам вопрос, господин Спенсер… Представьте себе человека, который полагает, будто подозрения пали на него, и считает, правильно или неправильно, будто полиция располагает уликами против него… Жена его вот-вот должна родить. В доме ни гроша… Человек этот как одержимый врывается к сестре и требует у нее все деньги, какие у нее есть… Сестра отдает ему сто тридцать франков. Что он делает с ними?

И Мегрэ протянул собеседнику вчерашнюю газету, где он был снят рядом с Жераром Пардоном.

— Это тот самый парень?

— Да, это он… Минувшей ночью я сообщил его приметы во все отделения полиции и жандармерии Франции… О нем знают на пограничных пунктах… На сто тридцать франков…

— Так он невиновен?

— Я убежден, что он не убивал ни тетки, ни сестры… Если бы он потребовал эти деньги днем, я решил бы, что он собирается купить револьвер и покончить с собой…

— Но ведь он же невиновен!

— Вот именно, господин Спенсер… Я к тому и веду. Есть немало людей, не совершивших никакого преступления и терзаемых чувством вины, и преступников с безмятежной совестью…

К счастью, в то время, когда он раздобыл эти сто тридцать франков, все оружейные лавки уже были закрыты… Поэтому я предполагаю, что он решил бежать… Но куда убежишь, когда в кармане всего сто тридцать франков? Разве что в Бельгию…

Он снял трубку и попросил отдел криминалистики.

— Алло! Говорит Мегрэ! Кто у телефона? Это вы, Жаминэ? Прихватите еще кого-нибудь с собой. Возьмите всю аппаратуру. Да, да. И ждите меня внизу в такси. — Потом, обернувшись к американцу, сказал: — Может быть, нам придется произвести арест.

— Вы уже нашли виновного?

— Возможно, хотя полной уверенности у меня нет. Сказать по правде, я склонен даже думать… Подождите минутку, господин Спенсер…

Мегрэ направился во Дворец правосудия, прошел через ту самую злосчастную дверь, которую уже давно следовало забить. Не будь этой двери, Сесиль, может быть, не погибла бы! Но эта дверь была так удобна! И тщетны были все разговоры о ее уничтожении, которые велись добрых два десятка лет…

Комиссар постучался к следователю. Сесть он

отказался.

— Я всего на минуту… Меня ждут… Я пришел узнать, господин следователь, очень ли вы будете возражать, если я арестую человека, который, возможно, окажется невиновным. Заметьте, что это личность довольно омерзительная, имеет судимость за растление несовершеннолетних и, я полагаю, не рискнет жаловаться…

— Ну, в таком случае… Какое имя я должен вписать в ордер?

— Шарль Дандюран.

Через десять минут Мегрэ и Спенсер Отс вместе с двумя экспертами отдела криминалистики сели в такси на набережной Орфевр. В начале одиннадцатого утра машина остановилась в Бур-ла-Рене у дома Жюльетты Буанэ, который за сплошной завесой дождя напоминал старую выцветшую фотографию.

— Ждите меня на площадке шестого этажа, — сказал комиссар экспертам.

Он позвонил в квартиру Дандюрана. Берже, осунувшийся после бессонной ночи, отворил им.

— Вы ничего не принесли поесть?

Месье Шарль сидел без воротничка. Одежда его была смята, так как он спал не раздеваясь. На ногах были все те же шлепанцы.

— Я полагаю… — начал он.

— Не полагайте ничего, господин Дандюран, вы наверняка ошибетесь. На основании ордера, подписанного сегодня утром следователем, вы арестованы…

— Вот как…

— Вас это удивляет?

— Нет. Но я огорчен за вас.

— Не желаете ли вы сделать какое-нибудь заявление, прежде чем отправитесь в тюрьму Сантэ?

— Мне нечего заявить, кроме того, что вы заблуждаетесь.

— Вы по-прежнему не помните, что именно вы делали вчера в спальне Жюльетты Буанэ, пока я говорил здесь по телефону?

На небритом лице адвоката мелькнула горькая усмешка.

— Останься с ним, Берже… Пусть он оденется… Когда он будет готов, отведи его в предварилку и оформи…

Внезапно он обернулся, схватил девушку за худенькие плечи и сердито рявкнул:

— А если я еще раз наткнусь на вас, Нуши, то вы у меня получите…

— Что вы мне сделаете? — спросила она с жадным любопытством.

— А вот увидите, и это будет вовсе не смешно! А ну-ка, убирайтесь отсюда!

Вскоре он уже отпирал дверь квартиры на шестом этаже.

— Так вот в чем дело, ребята… Осторожно, господин Спенсер, не входите в эту комнату…

— Мы уже зафиксировали отпечатки пальцев во всей квартире, — возразил фотограф.

— Да, это так, на следующий день после убийства… И в спальне Жюльетты Буанэ нашли отпечатки пальцев только двух людей — ее собственные и Сесили… Не было обнаружено никаких отпечатков мужских рук — ни Жерара Пардона, ни того жалкого субъекта, которого вы только что видели… Но вот прошлой ночью, пока я говорил по телефону из его кабинета, он вошел в эту комнату, я в этом уверен, так как слышал его шаги… Что он тут делал — я не знаю. Чтобы решиться на столь рискованный, компрометирующий его шаг, он должен был иметь достаточно серьезные причины. И поэтому нужно, чтобы установили, к чему он тут прикасался. Ну, за работу! Теперь вам понятно, господин Спенсер, почему я просил вас не входить сюда.

Эксперты вытащили свою аппаратуру и принялись за дело. Засунув руки в карманы, Мегрэ

ходил взад и вперед по другим комнатам квартиры.

— Невеселая семейка, не правда ли? Обезумевшая от скупости старуха и молодая девушка, вернее, девица не первой молодости, обделенная природой. Давайте спустимся вниз.

Они вошли в квартиру месье Шарля в ту минуту, когда тот в пальто и шляпе собирался выйти из нее вслед за инспектором Берже.

— Не беспокойтесь за вещи, господин Дандюран. Ваш ключ будет храниться у меня. Впрочем, я думаю, что вы скоро выберете себе адвоката и он явится сюда…

Он закрыл за уходящими дверь и вошел, но не в кабинет, а в спальню бывшего адвоката.

— Садитесь, господин Спенсер… Вы слышите?

— Да, сверху доносится каждое слово…

— Вот именно! Я не знаю, как строятся современные дома в Америке, но у нас их звуконепроницаемость почти такая же, как у коробки из-под сигар… Ну а теперь не прислушивайтесь к тому, что говорят наверху наши товарищи… Слушайте только их шаги. Попытайтесь представить по ним их движения…

— Можно подумать… Хотя… Нет, знаете, это значительно труднее.

— Вот и я так думаю… А ну-ка! Слушайте!.. Кто-то прикоснулся к ящику… выдвигает его… Но могли бы вы определить, что это за ящик?

— Нет, это, по-моему, невозможно.

— Итак, кое-что уже ясно. Сидя у себя, Дандюран слышал все, что говорилось у него над головой. Он приблизительно мог следить за движениями людей, находившихся у Жюльетты Буанэ… Но угадать детали ему было трудно… Хоть бы этот дурак Жерар не бросился в Сену!

— Но ведь он же невиновен!

— Я сказал вам, что верю в это. Но к несчастью, и я могу ошибаться. Я говорил вам также, что невиновный иногда реагирует на все так, словно он виновен… Я надеюсь, что Берта осталась с его женой, ведь с минуты на минуту может родиться малыш…

Над их головами слышался шум передвигаемой мебели.

— Если бы вы были скрягой, господин Спенсер…

— У нас в Америке нет скряг. Мы слишком молодая нация, и нам пока еще не свойственны подобные недостатки или черты характера.

— Ну, в таком случае предположите, что вы старая женщина и притом старая француженка…

У вас есть несколько миллионов, но вы живете весьма экономно, словно владеете лишь скромной рентой.

— Мне трудно войти в эту роль…

— Все же сделайте усилие. Ваша единственная отрада — подсчитывать купюры, составляющие ваш доход. Вот уже трое суток эта проблема не дает мне покоя, ибо от ее решения зависит жизнь человека… И в зависимости от того, где именно помещены эти деньги, меняется имя виновного…

— Я думаю… — начал американец.

— Ну, что вы думаете? — быстро и резко спросил Мегрэ.

— Будь я таким, как вы описываете, я старался бы, чтобы эти деньги всегда были у меня под рукой…

— Я именно так и предположил. Но — внимание! Хотя Жюльетта Буанэ ходила с трудом, она все же перемещалась по всей квартире. Примерно до десяти утра она лежала в постели, и племянница подавала ей туда кофе и утреннюю газету.

— А не спрятаны ли деньги в постели?.. Мне говорили, что во Франции сбережения иногда зашивают в матрац.

— Но после десяти часов до самого вечера Жюльетта находилась в гостиной. Последнее время у нее хранилось восемьсот тысяч франков в тысячефранковых ассигнациях. Это ведь весьма объемистая пачка. Теперь слушайте внимательно… Только два человека могли знать, где спрятаны эти деньги. Племянница Сесиль, жившая вместе с теткой… И хотя тетка скрывала от нее, она случайно могла…

— Господин Дандюран был как будто доверенным лицом старой дамы, не так ли?

— Не настолько, однако, чтобы она открыла ему тайник, где спрятаны деньги, уж вы мне поверьте! Такая женщина, как Жюльетта Буанэ, не доверяла бы даже своему ангелу-хранителю… А между тем, как вы убедились, из этой комнаты слышно все, что происходит наверху… Давайте поднимемся. Если сюда позвонят, мы услышим…

Сырость пропитала все вокруг, так что руки липли к перилам лестницы. Из квартиры учительницы музыки доносились старательные гаммы. Венгры ссорились, слышался пронзительный голос Нуши.

— Ну как, ребятки?

— Просто удивительно, шеф…

— Что же удивительного?

— Вы уверены, что на этом типе не было резиновых перчаток?

— Несомненно…

— Он ходил по ковру… Но пока что создается впечатление, будто он не касался ничего, кроме дверной ручки… Обнаружены только ваши отпечатки…

Включили мощный рефлектор, фотоаппараты изменили вид комнаты, где так долго жила Жюльетта Буанэ.

— Она передвигалась с помощью палки, не так ли? — вдруг сказал американец.

Мегрэ обернулся как ужаленный.

— А ну погодите… Какой еще предмет она…

Какой же предмет старуха могла таскать за собой из спальни в гостиную, из гостиной в спальню, а во время еды в столовую? Ну конечно же свою палку! Однако в палку не спрячешь восемьсот тысячефранковых билетов, даже если она полая внутри!

Комиссар снова окинул взглядом комнату.

— А это? — спросил он вдруг, указывая на низенькую скамеечку, обитую старым ковриком, на которую Жюльетта Буанэ ставила ноги, когда сидела в кресле. — Здесь нет отпечатков?

— Никаких, шеф…

Мегрэ схватил скамеечку и поставил ее на кровать.

Его пальцы нащупали медные гвозди обивки. Когда он нажал на один из них, верхняя доска откинулась, словно крышка. Скамеечка была задумана как ножная грелка, под крышкой находился прямоугольный медный ящичек для горячих углей.

Наступило молчание. Все взгляды устремились на пакет, обернутый старой газетой, который лежал в этом ящичке.

— В нем должны быть все восемьсот купюр, — произнес наконец Мегрэ, разжигая трубку. — Взгляните, господин Спенсер… И не рассказывайте об этом вашим коллегам по Институту криминалистики, а то мне будет стыдно… Я распорол тюфяк, вскрыл матрац, исследовал стены, пол, камин… И мне не пришло в голову, что старуха с распухшими ногами, передвигающаяся с помощью палки, не расставалась также и с этим несуразным предметом, на который ставила ноги, и таскала его за собой из комнаты в комнату. Осторожно с газетой! Осмотрите ее как следует!..

В течение десяти минут, словно не замечая ничего происходившего вокруг, Мегрэ заводил одни за другими часы, и вскоре со всех сторон

послышался разноголосый бой.

— Готово, патрон…

— Отпечатки пальцев есть?

— Да… А купюр восемьсот десять…

— Мне нужны конверты и сургуч…

Он запечатал деньги и позвонил в прокуратуру, чтобы за ними приехали.

— Пошли, господин Спенсер…

Выйдя на улицу, он поднял воротник пальто.

— Мы напрасно отпустили такси… Вы не поверите, но никого я так не боюсь, как нашего бухгалтера. Интересно, так же свирепы бухгалтера в Соединенных Штатах?.. А не зайти ли нам в ожидании трамвая в это бистро, где закусывают каменщики, и не выпить ли по рюмочке? Послушайте, вы забыли шляпу!

— Я никогда не ношу ее.

Комиссар бросил внимательный взгляд на рыжую шевелюру своего спутника, покрытую жемчужной сеткой дождевых брызг. Кое-что Мегрэ решительно отказывался понимать!

— Дайте мне, пожалуйста, кальвадос. А что вы будете пить?

— Можно ли заказать стакан молока?

Вот, верно, от чего у этого тридцатипятилетнего малого цвет лица точь-в-точь такой же, как

розовый влажный нос молочного теленка!

— Мне, пожалуйста, стаканчик, хозяин!

— Чего? Молока?

— Да нет, кальвадоса!

И Мегрэ стал неторопливо уминать пальцем табак в трубке. Неужели эта хладнокровная сволочь Дандюран рисковал своей головой ради того только, чтобы сунуть восемьсот тысяч франков обратно в скамеечку старухи?

Глава 2

Они вышли из мэрии, из отдела актов гражданского состояния. На вопросы Мегрэ служащий с гнилыми зубами сначала хмуро ответил, что не может сообщить требуемые сведения. Но, увидев полицейский жетон комиссара, тотчас преисполнился столь лихорадочного рвения, что потратил вдвое больше времени, чем нужно было, чтобы отыскать необходимые справки в объемистых реестрах.

Трудно сказать, была ли мэрия старинной или современной постройки. Просто она была безобразна вся целиком, в своих пропорциях, в отдельных своих частях и в самых мельчайших деталях. Пробило полдень, и вместе с Мегрэ и американцем из здания выходили служащие; неряшливый толстяк с тройным подбородком, очевидно, был мэром Бур-ла-Рена, судя по тому, как все почтительно приветствовали его.

Выйдя на ступеньки мэрии, комиссар и его спутник остановились, пережидая, когда пройдет ливень. Под облетевшими деревьями на маленькой рыночной площади кончалась торговля, разбирали прилавки. На размокшей от дождя

земле валялся всякий мусор. Напротив, в лавке мясника, висели багровые туши, за кассой сидела толстая, румяная женщина. Из соседней школы с криком выбегали дети. У многих обувь была на деревянной подошве. Проехал бело-зеленый автобус…

Это было не похоже на Париж, не похоже, впрочем, и на маленький провинциальный городок или деревню.

Мегрэ смотрел на американца; взгляды их встретились.

Спенсер Отс понял его мысли и чуть усмехнулся, улыбка его была такой же неопределенной, как окружающий пейзаж.

— У нас тоже бывает не веселее, чем здесь, — сказал он.

Дело, ради которого они явились в мэрию, мог бы выполнить любой инспектор, любой подчиненный. Мегрэ хотелось узнать, как давно Шарль Дандюран проживает в доме Жюльетты.

Он жил здесь ровно четырнадцать лет. Прежде он снимал меблированные комнаты на улице Деламбр, близ бульвара Монпарнас.

Прошло четырнадцать с половиной лет, как умер владелец дома, муж Жюльетты Буанэ.

Стоя на крыльце мэрии, Мегрэ и американец

ждали, пока ливень немного утихнет.

— Знаете ли вы, господин Спенсер, почему преступники предпочитают иметь дело с нами, а не с судейскими?

— Кажется, начинаю понимать…

— Заметьте, ведь мы нередко грубы… Меньше, чем говорят, но гораздо грубее следователя или прокурора… Но зато в ходе расследования мы проникаемся жизнью обвиняемого. Мы приходим к нему домой, знакомимся с обстановкой, привычками, семьей, друзьями… Сегодня утром я говорил вам о различии между преступником до и после… Так вот, мы как раз стараемся узнать о преступнике до. Когда мы передаем его в руки судейских, все для него кончено. Он порывает, и почти всегда бесповоротно, со своей прежней жизнью… Отныне он преступник, и только, и представители правосудия так и обращаются с ним.

Без всякого перехода Мегрэ со вздохом сказал:

— Много бы я дал, чтобы узнать, что собирался делать Шарль Дандюран в спальне Жюльетты. Положить деньги обратно в тайник или… Ливень как будто стихает.

Они побежали к трамваю, комиссар — ссутулившись и засунув руки в карманы, а американец

с такой же непринужденностью, как если бы на небе светило яркое солнце.

— Вы не против позавтракать в бистро?

— Наоборот, я буду очень рад, ведь посольские служащие, которые меня опекают, водят меня только в большие рестораны.

Они добрались на трамвае до Орлеанской заставы, прошли мимо дома, похожего на ломоть торта и почерневшего от дождя.

— Самое трудное — это поставить себя на их место, думать и чувствовать, как они. И еще одно наше преимущество перед судьей: судья живет в иной, совершенно непохожей среде. А мой дом мало чем отличается от этого… Войдемте!

И, свернув в переулок, Мегрэ толкнул дверь скромного ресторанчика с цинковой стойкой, мраморными столиками и слоем свежих опилок на полу. Добродушный краснолицый человек в синем полотняном фартуке пожал руку комиссару:

— Давненько вы к нам не заглядывали! Надо сказать хозяйке… Мелани! Чем попотчуешь сегодня господина Мегрэ?

Из кухни, выставив вперед объемистый живот, выскочила Мелани, на ходу вытирая руки.

— Ах, Господи, что вам стоило позвонить, когда

шли сюда! Ну да ладно! Есть у меня петух в вине, да еще утром мне принесли неплохие белые грибы… Любит ли ваш друг грибы?

В зале сидело лишь несколько завсегдатаев. Сквозь запотевшие окна ничего нельзя было разглядеть.

— Бутылку божоле, как всегда, господин Мегрэ?

Мегрэ пошел позвонить по телефону, и американец видел за стеклом кабины его озабоченное, серьезное лицо.

— Все еще не нашли этого идиота Жерара, — сообщил он, возвращаясь к столу. — Вечером зайду к его жене.

— Вы говорили, у них нет денег?

— Об этом, вероятно, позаботились. Уж конечно, этот ребенок никогда не узнает, при каких обстоятельствах он появился на свет… Но, черт возьми, зачем Шарлю Дандюрану понадобилось…

Чувствовалось: все, что он говорит сейчас, не имеет для него никакого значения. Лишь одна мысль неотступно преследовала его.

— Зачем Дандюран…

— Но если он убил старую даму… — рискнул Спенсер.

— Если он убил старую даму, значит, я идиот и все расследование надо начинать сначала, господин Спенсер… Во-первых, зачем ему было убивать ее?.. От живой ему было больше пользы, чем от мертвой. Он же знал, что не может унаследовать ее состояние. А украсть спрятанные у нее восемьсот тысяч франков он, как видите, не захотел. Да и как бы он мог это сделать? Она прощается с ним. Она провожает его до двери… Без всякого сомнения, она тщательно запирает дверь да еще задвигает засов, как он утверждал, и я этому верю… Она возвращается в свою комнату. Она раздевается. Вот она уже стянула один чулок и сидит на кровати, как вдруг… Нет уж, господин Спенсер, не мог Дандюран вновь подняться на шестой этаж, открыть дверь и… Однако через четыре дня, почти что в моем присутствии, он не боится навлечь на себя подозрения и проникает в эту комнату… С какой целью? Заметьте, что все бумаги старухи, квитанции, купчие — все, что находилось в секретере в гостиной и не имело никакой цены для убийцы, поскольку этим нельзя воспользоваться, не выдав себя, — все исчезло… Но зато банковские билеты, безымянные по самой своей сущности, остались на месте, а если и покинули ненадолго свое укрытие, то

не замедлили вернуться… Ну как, нравятся вам грибы по-бордоски?

— Однако вы не слишком наблюдательны, господин комиссар, позвольте вам сказать, иначе вы бы заметили, что я уже трижды приложился к ним, и если бы я не слышал разговоров о каком-то петухе в вине… А вот божоле… боюсь, как бы из-за него ваш компаньон не раскис немного…

— Ну что ж, ждите петуха! Хозяйка двадцать лет служила кухаркой у одного из наших министров, который плохо кончил, но знал толк в хорошей кухне… Знаете ли вы, что Жюльетта была довольно хороша собой? В квартире висит ее старая фотография. Интересно, а что, если муж ее был ревнивым?

И этих нескольких слов оказалось достаточно, чтобы он снова с головой ушел в свои бесконечные догадки и предположения. Его вызволил только приход хозяйки, желавшей удостовериться в успехе своей стряпни. Время от времени Мегрэ бросал взгляд на дверь.

— Вы ждете кого-нибудь?

— Да, я жду не очень приятного господина. Мне сообщили, что он уже часа два торчит у моего кабинета на набережной Орфевр. Я предложил ему приехать сюда…

Через несколько минут у тротуара остановилось такси, жирный и представительный мэтр Лелу расплатился с шофером и вошел в бистро.

— Я принес вам то, что обещал, — сообщил он, положив кожаный портфель на свободный столик. — Вы убедитесь, что мой почтенный клиент, господин Монфис, не преувеличивал, утверждая…

Адвокат вряд ли успел сегодня позавтракать, но комиссар не пригласил его к своему столику и даже не предложил снять пальто.

— Хорошо, я сейчас просмотрю…

— Ваше расследование продвигается?

— Помаленьку, мэтр Лелу, помаленьку…

— Я позволю себе сообщить вам одну подробность, возможно ускользнувшую от вас… Разумеется, я не собираюсь критиковать методы, стяжавшие вам известность… Но со своей стороны, я послал одного надежного человека в Фонтене. Я велел ему расспросить старожилов, знавших госпожу Буанэ в те времена, когда она была еще молодой девушкой и звалась Жюльеттой Казенов.

Мегрэ невозмутимо жевал, словно ему была безразлична эта болтовня; американец с любопытством наблюдал за ним.

— Я узнал обстоятельства, которые, может быть, удивят вас…

Комиссар пробурчал:

— Вряд ли…

— Жюльетта Казенов слыла девушкой пылкой, вернее, даже безрассудной в своих увлечениях.

— И говорят, будто она была любовницей Шарля Дандюрана, не так ли?

— Вам уже сказали?

— Никто мне этого не говорил, но я догадался. Дандюран старше ее лет на десять. Уже и тогда зеленые плоды, без сомнения, манили его.

— В свое время эта история вызвала целый скандал.

— …Но не помешала Жюльетте выйти замуж за состоятельного человека и перебраться вместе с ним в Париж… Все это мне известно, мэтр Лелу.

— Каковы же ваши выводы?

— Пока я не делаю выводов. Не стоит спешить с ними… Телефон! Уверен, что это звонят мне…

Он бросился к кабине, лицо его осветилось надеждой. В самом деле, звонили ему, и он довольно долго разговаривал. Затем он со вздохом облегчения вернулся к столу.

— Принесите-ка нам еще порцию петуха, хозяин…

Можно было подумать, что он еще ничего не ел сегодня. У него разыгрался аппетит. Он выпил полный стакан божоле и вытер губы тыльной стороной ладони.

Глаза его блестели.

— Нашли наконец Жерара!.. Бедняга! — произнес он со вздохом.

— Почему «бедняга»?

— Он вел себя как последний дурак… Еще бутылочку, Дезире. Вообразите, он действительно сел в бельгийский поезд, как я и предвидел. Но на границе он заметил, что жандармы осматривают вагоны тщательнее обычного. Тут он совсем потерял голову. Он выскочил из поезда с неположенной стороны и пустился бежать через поле, увязая в мокрой глине, в грязи. Жандармы преследовали его по пятам. Увидев ферму, Жерар бросился туда… Знаете, где его обнаружили после целого часа поисков? В уборной! Он так долго и яростно вырывался, что его избили до полусмерти. Сейчас его везут сюда. Он будет в Париже в три пятьдесят.

— Он признался? — спросил мэтр Лелу.

Мегрэ ответил с притворным простодушием:

— Признался? В чем?.. Да, кстати, я чуть не забыл самое главное! Будьте любезны, мэтр Лелу,

телеграфируйте от моего имени вашему клиенту. Учитывая, что он поддерживал с теткой Буанэ добрые отношения, я бы хотел знать, не доверила ли она ему случайно какие-нибудь вещи, которые могли ее обременять?.. Ну, я не знаю точно… Может быть, она дарила ему что-нибудь? Вы даже не представляете, до какой степени меня это интересует!..

Наконец-то они отделались от докучного посетителя. Теперь они могли спокойно смаковать кофе, приготовленный Мелани, и старый арманьяк, поданный им Дезире, который был родом из Жера и сохранил еще друзей среди виноградарей. Они сидели одни в опрятном, просто обставленном зале с запотевшими окнами. На чистом столе они разложили принесенные адвокатом письма, все как одно на бумаге с траурной каймой, на которой неизменно писала Жюльетта с тех пор, как овдовела.

«Дорогие родственники, я получила ваши добрые пожелания и хочу выразить вам свои вместе с самыми теплыми чувствами. Тягостно такой старой женщине, как я, жить среди неблагодарных. Подумать только, я кругом облагоде-

тельствовала детей своей сестры и за это...»

Мегрэ читал письмо за письмом и передавал их своему спутнику, который тоже пробегал их глазами. Все они походили одно на другое. Все были помечены 2 или 3 января и являлись ответом на поздравительные письма Монфисов.

«...Они ведь надеются унаследовать когда-нибудь мое состояние, так пусть наберутся терпения...»

И дальше:

«Жерар — сущий бездельник и шалопай и является ко мне лишь затем, чтобы требовать денег... Как будто я их чеканю!..»

О Берте она отзывалась не лучше:

«...Я очень рада, что она перебралась отсюда, а то я со дня на день ждала, что она окажется в положении и вызовет скандал в доме...»

— В положении? — удивился господин Спенсер.

— В интересном положении... Иначе говоря,

Жюльетта опасалась, как бы племянница не забеременела…

Было жарко. Оба пребывали в блаженном состоянии.

Во рту и в воздухе стоял нежный аромат арманьяка.

«Как ужасно быть одинокой, больной и знать, что люди думают только о твоих деньгах… Мне все кажется, что в один прекрасный день со мной произойдет несчастье.

Как вы должны быть счастливы в вашем городке, лишенные всех этих забот, которые уносят мое здоровье.

Сесиль притворяется, будто она мне предана, но она склоняется больше на сторону брата, чем на мою…

И наконец, есть один человек, который многим мне обязан, но я не очень в нем уверена…»

Мегрэ показал эту фразу американцу.

— Она не верила никому, — сказал он.

— И не без оснований, ведь так?

— Читайте дальше!

«К счастью, я не глупее их и приняла меры предосторожности... Если что-нибудь со мной стрясется, клянусь вам, им не придется торжествовать...»

— «Они», — вздохнул Мегрэ. — Она всех валит в одну кучу, всех, кто стоял к ней близко и кто, как она думала, стремился завладеть ее деньгами, в том числе и господина Дандюрана... Вы начинаете понимать?

— Понимать что?

Мегрэ усмехнулся:

— Да, правда, я выражаюсь почти так же туманно, как она... И действительно, что тут можно понять? Лучше было бы сказать: «начинаете чувствовать». Вероятно, вы разочарованы, вы надеялись изучить мой метод, как вы выразились сегодня утром. А я вас заставляю шлепать по дождю, тащу вас за собой в пошлую мэрию, а потом подсовываю петуха в вине... Что я могу вам объяснить? Я их чувствую... Дандюран, выйдя из тюрьмы, переселяется в Париж, в меблированные комнаты. Он вновь встречается с Жюльеттой, которая еще не овдовела... Что за человек был ее муж? Мы знаем его только по фотографии. Крупный, плотный сорокапятилетний мужчина, на вид недалекий. Жюльетта и Дандюран возобнов-

ляют давнюю связь. Вероятно, они встречались на квартире бывшего адвоката на улице Деламбр. Потом умирает муж, и Дандюран, не теряя времени, перебирается в дом своей любовницы, с которой продолжает встречаться тайком…

— Мне непонятно, почему тайком… — возразил американец.

Долгая пауза. Мегрэ рассматривает свою рюмку, вздыхает, отхлебывает глоток арманьяка.

И без всякого перехода:

— Ну, увидим!.. Дезире! Дайте счет, старина. Если сегодня я ничего толком не сделаю, виноваты будете вы и ваша жена… Но… С какой же целью этот грязный тип вошел в спальню Жюльетты? Помогите же мне, черт возьми, господин Спенсер! Подумайте, если мы найдем какой-то убедительный ответ на этот вопрос…

Спенсер Отс, как примерный секретарь, складывал письма с траурной каемкой, разбросанные на столе.

— А что это за меры предосторожности? — рискнул он спросить.

— Меры предосторожности?

Мегрэ нахмурился.

В самом деле, в одном из писем старая скряга упоминает о мерах, предпринятых ею против

всех тех, кто домогается ее денег… Она не доверяла никому, даже своему бывшему любовнику.

— Хорошо ли вы позавтракали, господин Мегрэ? — спросила тщеславная Мелани, которая насчитывала среди своих клиентов немало знаменитостей и обращалась ко всем с материнской фамильярностью. — Я же вам списала как-то рецепт этого блюда для госпожи Мегрэ. Она не пробовала его приготовить?

Комиссар не слушал ее. Рука его со сдачей застыла в кармане. Он уставился на фартук хозяйки с видом полнейшего недоумения и наконец произнес:

— Я все спрашиваю себя, почему погибла Сесиль… Понимаете, господин Спенсер?.. Все остальное просто и поддается объяснению. Но Сесиль умерла и… Извините меня, Мелани… Мы прекрасно позавтракали. Спасибо, и, если у моего спутника не будет других впечатлений, он расскажет о вас у себя в Филадельфии…

Он был взволнован. На улице он не произнес ни слова и, дойдя до угла Орлеанского проспекта, поднял руку, чтобы остановить такси.

— На набережную Орфевр, и поскорее…

Дорогой он изменил решение.

— Поезжайте-ка сначала на Северный вокзал…

К поездам дальнего следования… Оказывается, времени больше, чем я думал.

Были ли в том повинны петух в вине, божоле, прекрасный кофейный торт Мелани и старый арманьяк Дезире?

Так или иначе, но Спенсер Отс смотрел на своего плотного спутника со все возрастающим умилением. Ему казалось, что в течение нескольких часов он присутствует при непрерывном преображении. В своем мешковатом пальто, в сдвинутом на затылок котелке, с трубкой в зубах, комиссар как бы перевоплощался поочередно в каждого из гнусных, мелочных или трогательных персонажей драмы, которую ему поручено было расследовать.

— А жена его, может быть, сейчас уже рожает…

Лицо Мегрэ пошло красными пятнами, словно роженица была его женой… Мегрэ мысленно покачивался в вагоне поезда, сидя на месте Жерара между двумя жандармами. И он же вместе с Бертой дежурил у постели его жены. Он был в доме в Бур-ла-Рене, и его ноги покоились на обитой ковриком скамеечке старой Жюльетты. И он же находился в квартире этажом ниже, откуда месье Шарль мог слышать все, что происходило

над его головой.

Когда машина попадала в затор на перекрестке, Мегрэ напряженно считал секунды, глядя на бледный диск электрических часов и на полицейского в накидке, с белым жезлом; комиссар наклонялся вперед, приподнимаясь с сиденья, словно хотел помочь машине, ускорить ее ход.

Они подъехали к Северному вокзалу минута в минуту, чуть не опоздав. На перроне теснилась кучка любопытных. Полицейский покрикивал на них:

— Проходите!

Два жандарма подталкивали впереди себя худого молодого человека — на его брюках налипла глина, плащ был разорван, он судорожно сопротивлялся, несмотря на наручники, словно лошадь, рвущая удила. Возбужденный, озлобленный Жерар являлся в глазах зевак прямым олицетворением настигнутого наконец преступника.

Когда он увидел комиссара, губы его дрогнули:

— Верно, считаете себя большим хитрецом?

— Вот сюда, в такси, господа, — сказал Мегрэ жандармам, показав им свой жетон.

Жандармы не заставили себя просить. Они совсем запарились. Всю дорогу они боялись, как

бы их пленник не выбросился из поезда.

— Держу пари, что никто и не подумал позаботиться о моей жене!

Глаза его наполнились слезами, но он не мог утереть их из-за наручников.

Глава 3

— Из какой вы части?

— Из Феньи, господин комиссар.

— Вы можете вернуться поездом в пять часов семь минут. Вы, наверное, предпочитаете ночевать дома, а не в Париже? Ну-ка, ребята, давайте мне ваши бумаги!

Мегрэ остановил такси на углу улицы Лафайетт. Прохожие, шагавшие по тротуару, наклонившись вперед, с трудом удерживая зонты под сильными порывами ветра, бросали любопытные взгляды на их машину. Комиссар разложил документы на коленях и подписал их. Жандармы вышли из такси и тут же скрылись в ближайшем баре.

Тогда Мегрэ опустил стекло, отделявшее их от шофера, что-то сказал ему вполголоса и потом, когда машина тронулась, вытащил из кармана ключик и освободил Жерара Пардона от наручников.

— Вы доставите мне удовольствие, если будете держаться спокойно, понятно?.. Еще дюжина-другая таких невиновных, как вы, и придется утроить штат криминальной полиции…

Жерар, смотревший на бегущие мимо париж-

ские улицы, словно не видел их несколько лет, вздрогнул и впился своим подозрительным взглядом в комиссара.

— Почему вы говорите о невиновных?

Мегрэ не мог сдержать улыбки:

— Ну вот, теперь вы будете уверять нас, что виновны?

— Если вы считаете меня невиновным, почему вы меня арестовали?

— А если вы действительно невиновны, почему вы удрали? Почему при виде жандармов вы бросились бежать, как хороший жеребец, и почему заперлись в таком месте, где никто добровольно не засиживается?

Спенсер Отс блаженно откинулся на сиденье, и на губах его бродила легкая неопределенная усмешка хорошо пообедавшего человека, который снисходительно наблюдает за всеми перипетиями театральной пьесы.

В такси царил мутный полумрак, словно в фонаре с матовыми стеклами. За окнами мелькали искаженные силуэты прохожих, чьи наползавшие друг на друга зонты принимали самые причудливые очертания… А когда образовывалась пробка, то, подняв взгляд вверх, можно было увидеть пассажиров автобуса, неподвижных,

точно восковые фигуры.

— Послушайте, молодой человек… Я знаю, кто убил вашу тетку…

— Неправда…

— Я знаю, кто убил вашу тетку, и докажу вам это очень скоро.

— Это невозможно, — упрямо мотнул головой Жерар. — Никто не может этого знать.

— Кроме вас, не так ли? А между тем я готов поручиться, что вы спали!

На этот раз брат Сесили вздрогнул и с ужасом взглянул на собеседника, словно не верил своим ушам.

— Вот видите!

— Но… куда же мы едем?

За дождевой завесой Пардон узнал площадь Бастилии.

Одностороннее движение заставило машину свернуть на улицу Сент-Антуан, чтобы обогнуть площадь Вогезов.

— Слушайте меня внимательно… Назначена награда в двадцать тысяч франков тому, кто найдет преступника… По некоторым причинам, до которых вам нет дела, криминальная полиция ни в коем случае не возьмет эту премию…

— Но вы же должны знать, что я…

— Помолчите! Полагаю, ваша жена еще дома и Берта при ней. Поскольку вам не хочется помещать жену в бесплатный родильный дом, вот вам чек на те двадцать тысяч, которые вы заработаете сегодня. Быстро поднимитесь к себе! Мы будем ждать вас в машине… В какую клинику вы собирались поместить жену, если бы Сесиль достала деньги?

— В клинику Сент-Жозеф…

— Ну вот, пусть Берта проводит туда вашу жену, а вечером вы ее навестите!

Американец, слегка удивленный, смотрел то на одного, то на другого.

— Ну и без глупостей, понятно?

Машина остановилась, ошеломленный Жерар колебался, все еще не веря до конца.

— Да идите же, дурак вы этакий!

В течение последующих десяти минут Мегрэ курил трубку, не говоря ни слова, а когда взволнованный Пардон, вытирая слезы, снова появился на пороге, он бросил короткий взгляд на Спенсера Отса.

— На набережную Орфевр, шофер… Кстати, Жерар, когда вы ели в последний раз?

— Они дали мне сандвич в вагоне… Я не голоден, уверяю вас. Я только очень хочу пить…

В горле у него стоял комок, и он не мог больше произнести ни слова.

Они остановились у бара, и Мегрэ с удовольствием выпил пива, может чтобы запить давешнего петуха и особенно кофейный торт.

Через десять минут он уже набил доверху углем свою печку и зажег настольную лампу с зеленым абажуром.

— Садитесь… Снимите плащ, он совсем промок. И двигайтесь поближе к огню, подсушите брюки… Как это вы умудрились привести себя в такой вид?

Еще не совсем стемнело. Из окна видна была гирлянда бледных фонарей вдоль Сены. В этот час в криминальной полиции шла напряженная работа. Хлопали двери, раздавались шаги в коридорах, доносились телефонные звонки и монотонный стрекот пишущих машинок.

— Торранс! Я просил составить список всех посетителей криминальной полиции утром седьмого октября. Принеси-ка мне его.

Наконец, усевшись и выбрав самую большую трубку, Мегрэ заговорил:

— Что вы пили в квартире вашей тетки? Погодите, я помогу вам. У вас ведь не было ни гроша, верно? Вы знали, что со дня на день жена должна

родить и что ребенку не приготовлены даже пеленки. Вы обычно брали деньги у Сесили… Ладно! Нечего опускать голову… К несчастью, Сесиль могла передавать вам лишь ничтожные суммы, которые утаивала из тех скудных денег на провизию, что выдавала ей тетка. Обычно вы поджидали сестру на улице. Но в этот вечер вы поднялись в квартиру. Вы спрятались в комнате Сесили, пока она выполняла привычные обязанности и обслуживала тетку… Так ли все было?

— Да, точно так…

— Когда тетка уселась обедать в столовой, Сесиль пошла на кухню. Вы приоткрыли дверь и заявили, что вам необходимы деньги, любой ценой…

— Я сказал ей, что доведен до крайности и что не могу явиться к жене без денег, что я лучше…

— Вот-вот… Вы не только разжалобили Сесиль, вы ее напугали… Вы вроде бы шантажировали ее, играли на ее чувствах…

— Я решил покончить с собой…

— Убив этим жену!.. Вот дурак!

— Клянусь вам, господин комиссар, я бы это сделал… Вот уже три дня, как мы…

— Помолчите… Итак, сестра не могла ответить вам в этот момент, боялась, что старуха услышит.

Она выполняла свои обязанности, как обычно. Она пообедала вместе с теткой. Наверняка она попросила у старухи денег, и та отказала. Затем госпожа Буанэ, по всей вероятности, легла в постель, но вам было уже слишком поздно выходить из дома, поскольку подъезд заперли, вам пришлось бы просить консьержку выпустить вас, а она рассказала бы об этом хозяйке. И вот Сесиль принесла вам поесть в свою комнату. Что вы ели?

— Хлеб с сыром…

— А что вы пили?

— Сначала стакан вина…

— И больше ничего?

— Сесиль приготовила себе лечебный чай из трилистника: у нее был больной желудок, и она пила этот отвар каждый вечер. Она посоветовала мне выпить его. Я плакал… Я был очень расстроен, плохо себя чувствовал, и меня тошнило.

— Сесиль уложила вас в свою постель…

— Да. Я еще говорил с ней об Элен. А потом, сам не знаю почему, я вдруг заснул…

Мегрэ обменялся с американцем понимающим взглядом.

— Вы заснули потому, что выпили отвар, предназначенный для вашей сестры. В те вечера,

когда ожидался визит месье Шарля, тетка всыпала в чашку Сесили сильную дозу снотворного. И вот эта, казалось бы, случайная, внешне незначительная деталь определила все дальнейшие события. Если бы снадобье выпила Сесиль, как это было задумано, ваша тетка, вероятно, была бы еще жива, а значит, и сестра…

Мегрэ встал, подошел к окну и продолжал говорить как бы сам с собой, повернувшись спиной к собеседнику:

— Сесиль устроилась в кресле, так как кровать уступила вам. Ей не спится, и не без причины… Старая Буанэ ждет часа свидания, натягивает халат, чулки и, уверенная, что никто ее не слышит, тащится к двери, поджидая прихода месье Шарля. И вот, потому только, что вам нездоровилось и чашка с отваром пошла не по назначению… оба сообщника…

— Почему вы говорите о сообщниках? — вскричал Жерар, сильно побледнев.

— А разве это не так?.. Ну-ну… Не перебивайте меня. Однако здесь стало слишком жарко.

Он встал и приотворил дверь в соседний кабинет.

— Оба сообщника, повторяю, находятся в гостиной и разговаривают при слабом свете ночника.

Услышав шум, Сесиль на цыпочках крадется в коридор или в столовую и невидимо присутствует при их беседе… Вполголоса они обсуждают свои не слишком чистые делишки… Заведение в Безье… Еще одно на улице Антен… Я представляю себе лицо бедной Сесили, которая, вероятно, долго не могла уразуметь, о каких предприятиях идет речь. Месье Шарль передает старой приятельнице пятьдесят тысяч франков… Старуха убирает бумаги в секретер и запирает его, но деньги по-прежнему держит в руке. Она провожает бывшего адвоката… Задвигает засов… Возвращается в спальню со вздохом удовлетворения. Неплохой денек… Ее кубышка пополнилась. Она поднимает крышку скамеечки, обитой ковриком, той самой, что служит ей сейфом. И Сесиль в замочную скважину видит толстые пачки тысячефранковых ассигнаций. А вы по-прежнему спите… Теперь подумайте хорошенько, перед тем как ответить… Что вас разбудило? Какой-либо необычный шум?

— Нет. Сестра…

— Подождите. Тетка раздевается. Она уже стянула один чулок, когда Сесиль, потерявшая голову от ваших угроз покончить с собой…

— Но я же не мог предвидеть, — простонал Жерар.

— Так всегда говорят, когда уже поздно. Так или иначе, но ваша сестра неожиданно явилась перед перепуганной старухой… Вид ассигнаций — целого состояния — придал ей смелости… Она вновь требует денег. Она уже не умоляет. Она почти угрожает. Ни та, ни другая не подозревают, что внизу под ними слышит все происходящее пораженный и испуганный месье Шарль. Тетка, наверно, бранит племянницу, называет ее своей неоплатной должницей, снова попрекает ее благодеяниями, которыми она осыпала и ее, и всю вашу семью… Возможно, она угрожает девушке, что позовет кого-нибудь на помощь.

— Все это произошло несколько иначе, — медленно проговорил молодой человек.

— В таком случае расскажите!

— Не знаю точно, который был час. Я услышал, как несколько раз повторили мое имя. Я с большим трудом очнулся и не мог ничего понять. Я чувствовал себя одуревшим, словно после крепкой выпивки… Сесиль сидела на краю постели. «Жерар! — звала она. — Жерар! Что с тобой? Выслушай меня!» Она была очень спокойна, даже спокойнее обычного. Под глазами у нее были темные круги, лицо мертвенно-бледное, и я решил, что она нездорова… Говорила она тихо и как-то

размеренно. «Жерар… я только что убила тетю». Она застыла и долго сидела не двигаясь, уставившись взглядом в пол. Я вскочил. Я хотел бежать в спальню тетки. «Не ходи туда! Не надо, чтобы…»

— Она подумала об отпечатках пальцев… — сказал Мегрэ.

И он опять вспомнил Сесиль, часами невозмутимо ожидавшую в аквариуме.

— Да, она так и заявила. Она рассказала мне, как все произошло. Тетя сидела на краю постели. Услышав шум, она сунула руку под подушку, куда она на ночь клала револьвер — она была чрезвычайно труслива. «Ах, это ты! — забормотала она, узнав Сесиль. — Вот как, ты не спишь! Признайся, ты шпионишь за мной?» — «Послушайте, тетя, я сегодня просила вас дать хоть немного денег Жерару, вернее, его жене, которая вот-вот родит…» — «Иди спать». — «Вы богаты. Теперь я это знаю. Выслушайте меня, это необходимо. Жерар может наложить на себя руки, если…» — «Как, этот бездельник здесь?» И тетя пыталась встать, не выпуская из рук револьвера… Сесиль ужасно испугалась и, непроизвольно шагнув к ней, схватила ее за руку. «Вы должны дать мне денег!..» Тетка упала навзничь и выпустила револьвер. Она старалась вырваться и схватить оружие, и

тогда сестра вцепилась ей в горло…

— И при этом хладнокровно! — произнес Мегрэ с неожиданной интонацией.

Да, он ошибся, вообразив себе бурную сцену. Сесиль не потеряла хладнокровия. Она была смиренной овцой. Долгие годы она прожила в полной покорности, даже не отдавая себе в этом отчета, приниженность стала ее второй натурой. И понадобилось совсем немного — вид этой кучи денег и внезапная уверенность, что тетка всегда обманывала и эксплуатировала ее…

— Продолжайте, дружок…

— Мы долго сидели и не могли произнести ни слова… Потом Сесиль вышла на минуту, желая убедиться, что тетка действительно умерла… А потом она сказала: «Нужно заявить в полицию».

В кабинет Мегрэ вползли серые сумерки; причудливые блики, падавшие от зеленого абажура, выхватывали из темноты лица. Наступило молчание. Только посапывала трубка.

Можно было представить себе сестру и брата, подавленных и растерянных в этом большом доме у самого шоссе. И под ними — насмерть перепуганного месье Шарля, который слышал сверху каждое слово и даже шепот.

«Если я пойду туда сейчас…»

Сесиль взглянула на брата. Полиция никогда не поверит, что он не причастен к преступлению. Оба они чувствовали себя усталыми и разбитыми, словно после долгого бега.

Попросить консьержку отпереть дверь? Она обязательно посмотрит через глазок, кто это в такой час выходит из дома. Часы в квартире стали бить одни за другими. И всякий раз брат и сестра вздрагивали.

«Послушай, Жерар… Утром я пойду к комиссару Мегрэ. Я все ему скажу… А ты улучишь минуту, когда консьержка станет выносить мусор на помойку, выберешься отсюда и отправишься прямо домой».

Странную ночь провели они около покойницы! Оба они были отрезаны от мира, точно эмигранты, сидящие среди своих узлов на вокзале или на палубе парохода.

— Кто из вас, — спросил Мегрэ, разжигая трубку, — решил открыть секретер и осмотреть бумаги?

— Сесиль… Но это было гораздо позже. Она сварила две чашки кофе, потому что я все еще находился в каком-то оцепенении. Мы сидели на кухне… Вдруг она сказала: «Хоть бы этот человек не поднялся сюда». Потом она добавила: «А ведь

я говорила комиссару, что кто-то приходит по ночам… Он мне не поверил. А теперь, кто знает, когда мы оба отсюда уйдем…»

Мегрэ не отрывал взгляда от оконной рамы, крепко стиснув зубами мундштук трубки.

Итак, Сесиль спокойно предложила изъять из секретера все бумаги. Ей и в голову не пришло бежать с деньгами или взять какую-то часть для брата, который так в них нуждался.

— Вы прочли эти документы? — спросил комиссар.

— Да.

Комиссар встал и направился к двери, которую он незадолго до того приоткрыл.

— Пожалуй, здесь вам будет удобнее, господин Дандюран. Похоже, теперь речь в основном пойдет о вас.

Ибо месье Шарль сидел в соседней комнате под надзором инспектора. Вид у него был довольно плачевный.

У него отняли воротничок и галстук и даже шнурки от ботинок. Он не брился уже двое суток. Руки, соединенные наручниками, он держал на животе.

— Надеюсь, вы можете стоять? Вы не слишком утомлены?

Решив, что его заманили в ловушку, Жерар сорвался с места:

— Что это значит?

— Успокойтесь, Пардон. Продолжайте свой рассказ. Мне хотелось, чтобы господин Дандюран его послушал. Итак, вы с сестрой уселись у секретера в гостиной и осмотрели документы. Там находились, вероятно, деловые бумаги, квитанции, арендные договора, счета…

— Мы нашли там также и письма…

Произнося эти слова, Жерар следил взглядом за бывшим адвокатом, словно опасаясь, что тот, несмотря на наручники, бросится на него.

— Любовные письма, верно?

В этот момент раздался голос Дандюрана:

— Минутку! Могу я осведомиться, что сейчас происходит: очная ставка?

— Именно так, господин Дандюран.

— В таком случае я прошу и требую, чтобы, в согласии с законом, здесь присутствовал мой адвокат.

— Кто ваш адвокат?

— Мэтр Планшар.

— Торранс!.. Торранс!.. — позвал Мегрэ. — Будь добр, пригласи сюда мэтра Планшара!.. Хотя погоди. В это время он должен быть во Дворце

правосудия.

— Он ведет дело в Одиннадцатой палате, — уточнил месье Шарль.

— Беги в Одиннадцатую палату и приведи его сюда. Если слушание дела его подзащитного еще не началось, попроси его отложить заседание. От моего имени.

Около получаса в кабинете Мегрэ царило безмолвие, и малейшее движение вспугивало тишину, подобно камешку, брошенному в пруд.

— Садитесь, мэтр Планшар… Не скрою от вас, что я намерен просить следователя выдвинуть против вашего клиента обвинение в умышленном и преднамеренном убийстве… Мы вас слушаем, Пардон. Вы говорили о найденных любовных письмах. Если я не ошибаюсь, речь идет о письмах пятнадцатилетней давности.

— Не знаю. На них не было даты…

Адвокат торжествующе улыбнулся и принял значительную позу, словно находился в суде присяжных. Мегрэ повернулся к Спенсеру Отсу:

— Помните наше посещение той уродливой мэрии в Бур-ла-Рене?

Потом обратился к Жерару:

— Так что же говорилось в этих письмах? Постойте. Сначала установим одно существенное

обстоятельство. Оценив важность этих документов, ваша сестра решила вручить их мне, перед тем как отдаться в руки правосудия, не так ли? Она положила их в свою сумку вместе с другими деловыми бумагами, находившимися до этого в секретере, так?

— Да.

— Если дело обстоит именно так, — вмешался адвокат Планшар, обращаясь к Мегрэ, — то я прошу предъявить эти документы.

— Немножко терпения, мэтр.

Мегрэ поймал двусмысленную усмешку на лице месье Шарля.

— Не спешите радоваться, Дандюран! Я ведь знаю, что вы сумели овладеть этой чересчур уж компрометирующей вас перепиской и уничтожили ее. Однако не забывайте, что вы воспользовались моей минутной отлучкой для телефонного разговора, чтобы проникнуть в комнату госпожи Буанэ. Ну, теперь мы вас слушаем, Жерар. Скажите нам сначала, дружок, как эти письма начинались.

— Словами «Моя дорогая».

— Я вас прерву снова, — сказал Мегрэ неожиданно озорным тоном. — Я не хотел бы, чтобы мой американский коллега составил себе превратные

представления о любовных отношениях во Франции, и потому добавлю, что, когда эти письма писались, госпожа Буанэ была на пятнадцать лет моложе. Конечно, она была уже не первой свежести, но все же не успела еще превратиться в пугало с палкой, каким стала за последние годы. Сколько писем вы насчитали, Жерар?

— Около тридцати. По большей части это были записки: «Завтра в три часа, ты знаешь где… Целую… Твой…»

— Они были подписаны?

— Буквой «Ш».

Месье Шарль, которому не предложили сесть, не спускал взгляда с молодого человека. Лицо его приобрело землистый оттенок, но он отнюдь не терял присутствия духа.

— Буква «Ш» еще ничего не доказывает, — возразил мэтр Планшар. — Если эти письма будут приобщены к делу, я потребую графологической экспертизы.

— Они не будут приобщены к делу… Во всяком случае, именно эти письма. Мы слушаем вас, Жерар. Вероятно, некоторые из них были длиннее прочих?

— Да, четыре или пять писем.

— Постарайтесь вспомнить, что там было.

— Я помню, что одно из этих писем гласило: «Мужайся! Подумай, ведь через несколько недель ты освободишься, и мы наконец насладимся покоем…»

Мэтр Планшар насмешливо заметил:

— Быть может, речь шла о беременной женщине?

— Нет, мэтр! Речь шла о женщине, имевшей мужа и любовника. И письмо это писалось рукой любовника.

— Значит, муж ее был болен?

— Вот это и требуется установить. Продолжайте, Жерар.

Жерар, смущенный устремленными на него взглядами, пробормотал:

— Помню другую фразу: «…Вот видишь, он ничего не заметил… Терпение!.. Лучше нам не видеться в ближайшие дни. При нынешней дозе он протянет самое меньшее две недели… Спешить слишком опасно…»

— Не понимаю! — кашлянул мэтр Планшар.

— Тем печальнее для вас, мэтр.

— И я по-прежнему требую предъявления этих писем. И позвольте мне сказать, что я нахожу несколько опрометчивым с вашей стороны основываться на показаниях…

Мегрэ произнес мягким, вкрадчивым голосом:

— Если вы настаиваете, я попрошу произвести эксгумацию трупа покойного Жозефа Буанэ и исследование его останков. Он умер пятнадцать лет тому назад, но вам, несомненно, известно, мэтр, что большинство ядов, в частности те, которые требуют минимальных доз, как, например, мышьяк, сохраняются в течение многих лет после…

Вошел Торранс и положил перед Мегрэ список лиц, зарегистрированных в здании криминальной полиции в утро гибели Сесили.

Глава 4

— Вам, вероятно, надоело стоять, Дандюран. Торранс! Принеси-ка стул. Я замечаю, что последние минуты месье Шарль что-то пошатывается.

— Вы ошибаетесь, господин комиссар. Я все жду какого-нибудь хоть маленького доказательства, что…

— Потерпите же немного! Ваш адвокат, мэтр Планшар, не знал старой Жюльетты, и будет небесполезно коротко рассказать ему о ней. Вы позволите, мэтр Планшар?

Адвокат сделал неопределенный жест и закурил сигарету.

— Еще до замужества, когда она носила имя Жюльетты Казенов, она сошлась с Дандюраном в Фонтене-ле-Конте, вызвав этим толки во всем городке. Это случилось еще до того, как мэтр Дандюран угодил в тюрьму за совращение несовершеннолетних. Он был гораздо моложе, чем сейчас, и я готов допустить, что он обладал какой-то привлекательностью… Но, так или иначе, Жюльетта, дочь разорившихся родителей, не отказалась от выгодного брака с Жозефом Буанэ. Когда для достижения брака ей пришлось отнять

у сестры приданое и присоединить его к своему, она сделала это без малейших колебаний. Вероятно, она превратно представляла себе жизнь в Париже с богатым мужем, не знаю… Поселились они в Бур-ла-Рене. Ревнивый муж… Жизнь, лишенная всякого блеска и роскоши… Проходят годы, а там, в Фонтене, стареет ее бывший любовник, однако не стареет его пристрастие к молодым девушкам, а потом и к совсем молоденьким. Впрочем, не будем на этом останавливаться…. Два года тюрьмы. Не так уж много. И вот в один прекрасный день он в Париже, поселяется в меблированных комнатах на улице Деламбр, навсегда вычеркнутый не только из числа своих прежних коллег, но и из числа порядочных людей вообще. Они встречаются, где — не важно, и снова сходятся. Очень скоро муж начинает стеснять их. Главным образом он, конечно, стеснял Жюльетту. Вполне возможно, что именно ей первой пришла в голову мысль освободиться от супруга, мешавшего ей жить в свое удовольствие. Но, как явствует из писем, любовник давал ей советы.

— Сначала предъявите эти письма! — вставил Планшар, погрузившийся в изучение папки с делом.

— Я не сумею предъявить вам эти письма, ведь

они-то и побудили вашего клиента совершить второе преступление.

— Ну, в таком случае…

И адвокат воздел руки, словно он был в зале суда, и патетически потрясал в воздухе широкими рукавами своей черной мантии.

— Терпение, дорогой мэтр… Итак, муж наконец умирает. Он мертв. Он много ел, много пил, много работал и скончался от сердечного приступа, врач был убежден в этом… И вот тогда…

Он сделал паузу, бросил взгляд на месье Шарля, затем на Спенсера Отса, и легкая ироническая усмешка тронула его губы.

— И вот тогда наша Жюльетта почти без перехода превращается в старую скрягу!.. Человек, который был ее сообщником, может быть, еще притягивает ее, но одновременно она его боится. Она ко всему относится подозрительно, ибо знает теперь, как умирают. Она становится скупой. Месье Шарль поселяется в ее доме, в квартире, находящейся как раз под ней. Однако отныне она стала заботиться о своей репутации, и они встречаются только вне дома… Точно с неба, на нее сваливаются две племянницы и племянник… Потом, когда ноги начали отказывать ей и она не могла больше выходить из дому, Жюльетта,

ожидая ночью своего сообщника, стала усыплять Сесиль с помощью бромурала. Кто знает, как развивались бы события, не будь у Сесили больной желудок и не пей она каждый вечер лечебный чай. Госпожа Буанэ сохранила старые письма, она держала их в секретере в гостиной. Дандюран помещает ее деньги в сомнительные предприятия со сногсшибательными прибылями. Вчерашняя любовница превращается в скупую, немощную старуху, составляя вместе с предметом своей былой любви гнуснейшую пару. Племянник и одна племянница потеряли надежду добиться от нее помощи и ушли из дома — скатертью дорога! И только бедная Сесиль, рожденная с душой рабыни или святой, по-прежнему живет при ней…

— Один вопрос, господин комиссар, — проговорил Планшар. — На чем вы основываетесь, утверждая…

— Отвечу вам позднее, мэтр. А сейчас попрошу вас сделать еще одно усилие и дослушать меня. Итак, любовь обратилась в скупость… Одна страсть вытесняет другую, как говорится, клин клином… Но тут слепой случай, недоразумение. Отвар попадает не к тому, кому он предназначен, — вместо Сесили его выпивает Жерар… И разражается трагедия. В своей квартире Дандю-

ран слышит все… Он знает, что наверху, над его головой, два человека овладели его тайной. Он знает, что Сесиль решила все рассказать мне и передать документы… Но мог ли он среди ночи подняться на шестой этаж, постучать в дверь и остановить ее?.. Неважную ночь вы, наверно, провели тогда, Дандюран!

Дандюран и глазом не моргнул. Но его холодные губы снова дрогнули в усмешке.

— Рано утром, пока консьержка возится во дворе у мусорных ящиков, брат и сестра спускаются по лестнице. Через приоткрытую дверь Дандюран видит, как они проходят. Ах, если бы Сесиль была одна!.. Но нельзя бросаться сразу на двух человек… На улице брат и сестра расстаются. Дандюран идет в тумане за Сесилью. Может быть, ему удастся по дороге отнять у нее сумку с вещественными доказательствами… В трамвае полно народу. До самого моста Сен-Мишель, до здания криминальной полиции удобный случай так и не представился… И вот Сесиль уже на лестнице. Что теперь может спасти месье Шарля? Только одна вещь — время. Ведь было всего восемь часов… Я еще не вышел из дому. В это утро без всякой причины, просто ради удовольствия подышать зимним туманным воздухом, я отправляюсь на

работу пешком, а Сесиль сидит и ждет меня в так называемом аквариуме. Дандюран бродит вокруг здания…

— Я снова прошу извинения, господин комиссар, но я все же настаиваю, чтобы вы ответили: есть ли у вас доказательства? Есть ли у вас свидетели?

— Передо мной, мэтр Планшар, список лиц, явившихся в это утро в криминальную полицию, и в этом списке я отметил уже три имени… Вы должны меня понять, ведь вы как-никак адвокат. Дандюран не мог, не набросив на себя тени подозрения, сам подняться и заговорить с Сесилью… Ей ведь все известно, и, конечно, за ним она ни в коем случае не последует… Но вот мимо него проходит кто-то из той среды, где месье Шарль занимает столь почетное место… Он бросается к этому человеку: «Послушай-ка! Там в приемной сидит одна краля, которую нельзя допустить к комиссару. Тебя она не знает, а мне совершенно необходимо выдать ей пару теплых слов…» Не забывайте, что Дандюран не хуже нас с вами знает все переходы и закоулки на набережной Орфевр и во Дворце правосудия. «Под любым предлогом приведи ее ко мне за ту стеклянную дверь…» Нет сомнений, господа, что все именно

так и произошло. Случайный сообщник Дандюрана не подозревает, что готовится преступление, иначе он, возможно, заколебался бы, и я убежден, что сейчас у него не слишком сладко на душе… Дальше все идет как по нотам. «Вы хотели видеть комиссара Мегрэ?» А я недавно прошел к себе, и Сесиль терпеливо ждет. Она доверчиво следует за новоиспеченным гидом… Проходит за стеклянную дверь… Признайтесь, Дандюран, все произошло именно так, ведь иначе и не могло произойти… Когда она увидела вас, ее охватил ужас. Но дверь чулана с метлами совсем рядом… Вы толкаете Сесиль… Она сопротивляется… Вырывая из ее рук сумку, в которую она вцепилась, вы наносите удар, а затем…

— Я по-прежнему жду доказательств, господин комиссар.

Планшар, сделавший множество заметок в своем блокноте, не терял хладнокровия, да и с чего бы: ведь речь шла не о его голове!

Мегрэ подал незаметный знак своему заморскому коллеге и негромко проговорил:

— А что, если я вместо свидетелей представлю письмо?

— Письмо того человека, который привел вышеозначенную Сесиль к моему клиенту? —

осведомился мэтр Планшар.

— Нет, письмо самого вашего клиента, дорогой мэтр.

Дандюран сидел, точно каменный истукан.

— Пожалуйста, я жду, чтобы вы мне его предъявили, — пробормотал мэтр Планшар.

— А я, — вздохнул Мегрэ, — жду, пока оно отыщется.

— Значит, все ваши рассуждения…

— …лишь цепь догадок, это верно. Но не без определенной цели месье Шарль воспользовался моим отсутствием и проник в спальню Жюльетты. С двенадцати часов эксперты производят обыск в этой комнате. Не знаю, приходилось ли вам изучать психологию старых женщин. Это самые недоверчивые создания на свете. Если она сохранила большинство писем в своем секретере, то уж, поверьте…

Раздался злобный смех господина Дандюрана. Все взгляды обратились к нему.

В эту минуту Мегрэ почти готов был поверить, что проиграл игру.

У него оставалась еще одна надежда. В каком-то из своих писем к Монфису Жюльетта Буанэ писала, что если с ней стрясется беда, то…

Комиссар пошел ва-банк. Он не мог допустить,

что в те несколько минут, которые Дандюран провел один в спальне, он…

Сам факт, что он вошел в эту комнату, открыл ножную скамеечку, прикоснулся к связкам ассигнаций, не взяв их, рискуя оставить отпечатки своих пальцев, разве все это не доказывало, что он искал что-то другое, более для него важное?

Неужели старуха была столь глупа, чтобы оставить самый важный документ в своей квартире?

А вдруг мэтр Лелу забыл отправить телеграмму Монфису? А вдруг Монфис уехал куда-нибудь на рыбалку, на охоту — словом, не оказался дома? А вдруг…

Зазвонил телефон. Мегрэ буквально ринулся к нему:

— Алло? Ну как? Ладно… Продолжайте.

Комиссар повесил трубку, и, хотя он старался не подавать виду, Спенсер Отс все же понял, что поиски в доме в Бур-ла-Рене не дали никаких результатов.

— Позволю себе заметить вам, господин комиссар…

— Ладно, выкладывайте любые замечания…

— Все ваши гипотезы основаны на несуществующем письме, а в таком случае у моего клиента есть право…

Снова раздался телефонный звонок.

— Алло! Хорошо! Через три-четыре часа?.. Да, он у меня… Сейчас отправлю его к вам…

Он повернулся к Жерару:

— Я думаю, вам следует поехать к жене. Судя по всему, вы вот-вот станете папашей.

— Я хочу обратить ваше внимание, господин комиссар…

Мегрэ посмотрел на Планшара, ничего ему не ответил и подмигнул американцу. Оба они вышли в коридор.

— Я начинаю думать, — заговорил Мегрэ, — что все это расследование, в котором вы пожелали принять участие… Словом, я рискую оказаться в самом нелепом положении, и вы увезете с собой в Соединенные Штаты весьма нелестное представление о моем методе… А между тем я уверен, слышите, абсолютно уверен, что… — И без всякого перехода Мегрэ спросил: — Пойдем выпьем пива, ладно?

Он увлек своего спутника на улицу, бросив мимоходом тяжелый взгляд в аквариум, где ждало несколько посетителей.

Они обогнули здание Дворца правосудия и вошли в пивную на площади Дофина, где царили тепло и тишина и приятно пахло свежим пивом.

— Дайте две кружки! Две здоровенные!..

— Что вы называете здоровенными? — спросил американец.

— Это кружки только для постоянных клиентов. Они вмещают как раз литр…

С приятной тяжестью в желудке они вернулись тем же путем обратно.

— Я головой ручаюсь… Ну да ладно! Черт с ними! Если придется все начинать сначала, ну что ж, начнем сначала.

Спенсер Отс ощущал неловкость, как человек, который не может найти нужных слов для соболезнования.

— Понимаете? Я чувствую, что психологически я не ошибаюсь. Просто не допускаю мысли…

— А если Дандюран успел перехватить это письмо?

— Женщина всегда хитрее своего любовника! — отрезал комиссар. — А уж старая Жюльетта…

Они поднимались по пыльной лестнице со следами мокрых подошв. Их ожидал преисполненный достоинства господин с портфелем под мышкой.

— Я надеюсь, вы объясните мне, господин комиссар…

Антипатия Мегрэ к мэтру Лелу растаяла в одно

мгновение. Он бросился к нему, словно к вновь обретенному другу детства.

— Телеграмма? Почему она не адресована прямо сюда? Давайте скорее…

— Вот она, хотя сомневаюсь, сумеете ли вы что-нибудь в ней понять. Я даже раздумывал, должен ли я до получения более полной информации…

Но Мегрэ уже выхватил бланк у него из рук.

«Сообщите комиссару Мегрэ единственный полученный подарок фотография покойной тети тчк Всякий случай вскрыл рамку тчк Обнаружено малопонятное письмо содержащее неопровержимые улики против третьего лица тчк Меняет целиком положение дел наследством причине насильственной смерти Жозефа Буанэ поскольку убийца или сообщник не могут наследовать тчк Поступаю согласно долгу но прошу вас со своей стороны оградить мое имя тчк Буду Париже вечером тчк Анри Монфис».

— Надеюсь, вы не считаете, что мой клиент… — начал адвокат.

— Ваш клиент выдержал героическую борьбу между чувством долга и своими страстями, мэтр

Лелу. А я об этом и не подумал. Поскольку Жозеф Буанэ убит своей женой и ее любовником, состояние автоматически идет по другой линии и переходит к Буанэ и Маршепье.

— Однако…

Комиссар уже не слушал. Он стоял неподвижно посреди широкого коридора криминальной полиции, откуда он мог видеть дверь своего кабинета. А рядом с ним высилась стеклянная перегородка зала ожидания, где однажды туманным утром…

Где-то в этот час рождается ребенок, которому не суждено узнать, что расходы, связанные с его появлением на свет, оплачены компанией сомнительных господ с брильянтовыми перстнями… Они, должно быть, сидят в этот час в кафе Альбера на улице Бланш и переживают превратности карточной игры.

А о чем думал в это время месье Шарль, сидя с глазу на глаз со своим адвокатом под деликатным надзором добродушного Торанса?

— Что ж, не так глупо!

Мегрэ вздрогнул от звука собственного голоса, Спенсер Отс и мэтр Лелу, не ожидавшие этого, тоже вздрогнули.

— Я все думаю о трюке с фотографией, — объ-

яснил он извиняющимся голосом. — Старуха хорошо знала своего кузена. Она знала провинцию. Ну что ж, господа, за дело.

И он встал, расправил плечи, встряхнулся, готовый приступить к допросу всех лиц, посетивших здание криминальной полиции в то утро, когда было совершено убийство.

Было уже час ночи, когда молоденький сутенер уронил небрежным тоном, бросая в пепельницу окурок:

— Ну ладно! Я хотел оказать услугу и влип… Сколько, по-вашему, мне за это вкатят, господин комиссар?.. Года два?

Госпожа Мегрэ звонила уже трижды.

— Алло! Нет! Не жди меня. Я приду, вероятно, довольно поздно.

Его вдруг потянуло съесть сосиски с тушеной капустой где-нибудь в пивной на Монмартре или на Монпарнасе в компании со славным американцем.

Затем они долго провожали друг друга. И в беседах за кружкой пива то на одном углу, то на другом прошла вся ночь. Нужно же было Спенсеру Отсу набраться материалов для рассказа в своей Филадельфии!

Ну а что, если бы Монфису не взбрело в голову

вскрыть рамку портрета…